

КРИСТОФЕР ДЖ. ЙЕЙТС

МЕЛЬНИЧНАЯ
ДОРОГА

Кристофер Дж. Йейтс

Мельничная дорога

Серия «Детектив – самое лучшее»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693942
Кристофер Дж. Йейтс Мельничная дорога:
ISBN 978-5-17-114506-4

Аннотация

Много лет назад в маленьком городке в штате Нью-Йорк жили трое подростков. Двое неразлучных друзей: один из богатой семьи, второй – сын местного пьяницы, и самая красивая девочка в классе. Однажды они втроем поехали на велосипедах в горы.

И эта невинная прогулка закончилась драматично – девочка лишилась глаза...

Прошли годы. Ребята выросли, и девочка стала женой одного из них. Но всех троих по-прежнему терзает вопрос: что же привело к печальным событиям там, в горах? Можно ли было что-то изменить? И кто виноват в случившемся?

Три истории. Три версии событий. Три очень разные правды!

Содержание

Часть I

5

Конец ознакомительного фрагмента.

102

Кристофер Дж. Йейтс

Мельничная дорога

Christopher J. Yates
GRIST MILL ROAD

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg.

Серия «Детектив – самое лучшее»

© Christopher J. Yates, 2017

© Перевод. А. А. Соколов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Посвящается моей матери Джун –
в благодарность за все мои первые истории*

*Аромат сосны.
Только представьте, что я ощущаю!*

Часть I

ПЭТЧ

Нью-Йорк

Помню, как звучали выстрелы – словно шлепки по воде: чпок, чпок, чпок. И каждый раз она вскрикивала, когда он попадал в нее. Прикидываю, сколько это продолжается: минут десять. Я же стою и просто наблюдаю.

Я не заметил, когда осознал, что начал считать. Восемь, девять, десять. Долго казалось, будто все чувства, кроме зрения, выключены. Но как только сообразил, что считаю выстрелы, стал за это цепляться – восемнадцать, девятнадцать, двадцать, – поскольку ощущение равновесия исчезло вместе с остальным. Я стоял на краю тошнотворной бездны, куда не хотел свалиться, а весь мир был вне всякого понимания.

Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь.

Это не реальность, а представление. И представление не для меня. Я из тех мальчиков, которым даже не разрешалось засиживаться допоздна и смотреть жестокие передачи. Абсурд – немое кино с русскими субтитрами.

Тем не менее я смотрел.

Что это значит – смотреть? Смотреть, если перед тобой

совершается преступление? Это неспособность действовать или успешное усилие не закрыть глаза?

Мне было двенадцать. Двенадцать лет.

Сорок один, сорок два, сорок три... А в газетах сообщалось, что Ханну ранили тридцатью семью выстрелами из моей воздушки «Ред райдер», так что Мэтью, видимо, несколько раз промазал или, что более вероятно, недостающие пульки отскочили от веревок. Мэтью накрутил много веревок, и ему приходилось прицеливаться в промежутки. К тому времени мы оба научились довольно метко стрелять. Я мог влить пульку в банку содовой с тридцати шагов, держа ружье одной рукой, а Мэтью уж точно считал себя стрелком лучше, чем я. Не говоря о Хосе.

Все постепенно стихало. Вскрики Ханны звучали приглушенно. Слышался плач, но негромкий.

До тех пор...

Когда Мэтью нажал на курок в сорок девятый и последний раз, Ханна только всхлипнула, но этот пронзительный звук сразу замер в ее горле. Он был сам по себе тошнотворен, однако в моей памяти отложилось, будто наступившая тишина стала громче плача.

Перед глазами картина: Ханна отворачивает голову, несмотря на обвившую шею веревку, – абсурдно запоздалый рефлекс.

Лес погрузился в еще большее безмолвие. Как во время грозы, когда после вспышки молнии ждешь раската грома,

чтобы понять, насколько приблизилась туча.

Но вот голова Ханны вернулась на место. Подбородок ткнулся в грудь, и длинные темные волосы рассыпались по лицу.

Мэтью стоял неподвижно, словно оловянный солдатик, я тоже замер, будто вросший в землю, не дыша и стараясь в свои последние секунды овладеть хотя бы в малой мере контролем над жизнью. Мир в это мгновение сократился до узкой ленты наподобие рассказа в картинках в газете: начинался с упертого в плечо Мэтью приклада и заканчивался привязанной к дереву неподвижной Ханной. Но вскоре раздался звук, который вывел нас обоих из этого состояния – кто-то мелкий прошуршал в подлеске. Голова Мэтью дернулась, тело ожило. Он осторожно, почти почтительно прислонил ружье к камню и двинулся вперед, пока не оказался на расстоянии вытянутой руки от Ханны. Остановился и принялся вглядываться в нее, словно она была тьмой в пещере. Поднял веточку и ткнул ей в руку.

Никакой реакции.

Пихнул снова. Плоть Ханны была похожа на тесто – в коже появилось углубление и стало постепенно заполняться. Мэтью поднял веточку выше, но еще колебался: что за мир прячется за занавесом?

А затем раздвинул ее волосы. Вот тогда я впервые заметил кровь на подбородке Ханны. Она текла на воротник тенниски, и он все больше краснел.

Я отвернулся, сплюнул на землю и обвел взглядом лес, стараясь понять, не было ли других свидетелей того, что сейчас здесь случилось. Снова посмотрел на Ханну: Мэтью все еще держал ветку под прядью ее волос, будто, склонив голову, читал в книжной лавке корешки томов.

– Ну-ка, подойди, – произнес он.

Я прижал ладонь к переносице, пытаюсь унять растущее во лбу ощущение взрывающейся новой вселенной.

– Пулька из воздушки вошла ей прямо в глаз, – объяснил Мэтью. – И пробила мозг. Она мертвее мертвого.

Тереть лоб не помогло – тяжесть осталась, и я принялся себя колотить: пум-пум – пум. До сего дня моя ладонь идеально соответствует впадине между носом и бровью.

– Я сказал, иди сюда, Хитрюга. – Мэтью повернулся ко мне. – Не торчат же здесь целый день!

Хитрюгой меня называл только он. Для остальных я был Пэтч, или Патрик, иногда Пэдди, а отец говорил мне Пэддибой. Зато Мэтью для всех, включая меня, только Мэтью. Не позволял сокращать свое имя и поправлял даже взрослых, если те пытались проверить, не подойдет ли ему Мэтт или Мэтти. Всякий раз спокойно и прямо заявлял: меня зовут Мэтью.

Засопев, я сделал шаг вперед, ощущая себя, наверное, так, как древние короли, когда шли в свой последний путь на эшафот – себялюбивое сравнение, но ничего не поделаешь: таковы были мои чувства в то мгновение. Я старался идти

как можно ровнее, держа направление к соединенным веточкой двум фигурам, а когда остановился, Мэтью подтащил меня ближе, откуда я все прекрасно видел.

– Что скажешь, Хитрюга?

С трудом сглотнув, я скользнул взглядом по рукам Ханны и по кольцу веревки, горевшей, словно удавка на ее шее. А затем, не поворачиваясь, щурясь, посмотрел на ветку Мэтью. Там не было ничего, кроме крови и месива, и кровь уже начала запекаться. Только чернота, сырость и кожа. В левый глаз будто вдавили раздавленную темную сливу.

– Да, – сказал я, стараясь не разреветься. – Она умерла.

Мэтью отшвырнул ветку. Мы не проверили, дышит ли Ханна, не пощупали пульс.

Я постоял еще немного, а затем Мэтью схватил меня за рубашку и, чтобы отогнать наваждение, потащил прочь.

Мы не стали креститься. Не молились за спасение души Ханны.

Вокруг нас повсюду, подобно блинам, высились каменные пласты Свангамских гор. И наши ошибки тоже громоздились одна на другую. Мы даже не разрезали веревки и не уложили Ханну на землю.

Неизвестно, что значит идеальное детство, но до той среды – жаркого желтого дня 1982 года – я думал, что у меня именно такое. Считал, что мои родители счастливы, я расту в лучшем на земле месте, возможно, даже верил в привидения, НЛЮ, карты Таро и безукоризненность большой бейс-

больной лиги.

Мой родной город Росборн находится в девяноста милях к северу от Нью-Йорка – достаточно далеко от ада с его подстерегающими опасностями: свободной порнографией, убийствами ради развлечения и героинном под рукой. Но самое прекрасное, что мы имели, – это Свангамские горы, отроги сияющего белого камня, стеной возвышающиеся за северной окраиной города. Для склонного к риску парня не придумать лучшего места для игр.

Там росли смолистые сосны, кусты голубики, над головой летали грифы-индейки. Попадались редкие туристы, но в рабочие дни не встречалось ни души. Больше всего мне там нравилось находиться в жаркие летние каникулярные дни, когда пронизанный зноем воздух непрестанно гудел от насекомых. Я любил ходить на озеро. Говорил Мэтью, что это ледяные пещеры, хотя оно было лишь озером. Воздух над спокойной гладью воды был будто разреженным, особенно на восходе, когда тихо шелестел ветерок.

Помню, там все казалось обесцвеченным, как на старых фотографиях, небо скорее прозрачное, чем голубое, камни в туманном блеске, а наши велосипеды – двух оттенков тускло-оранжевого. В прошлом году мы целое лето, запыхавшись, преодолевали на них эти три мили подъема.

Под широко раскинувшимся горным небом мы могли вообразить себя кем угодно: Люком и Бо Дюком¹, Старбаком

¹ Персонажи американского телесериала «Придурки из Хаззарда». – *Здесь и*

или Аполло, одиноким ковбоем или индейцем Тонто, играть без тормозов и вдали от скептических взглядов взрослых изобретать новые мальчишеские забавы. Стрельба в цель, олений дозор, Гудини. Мы бродили повсюду – надо было только вовремя успеть домой, чтобы отмыться перед обедом. Но также имели собственную базу – тайное место, куда попадали, продираясь сквозь заросли горного лавра. Там, разбирая брошенные хижины сборщиков голубики, соорудили свой тайный форт. Хранили в нем припасы и жестянки для стрельбы из воздушки, которая видом напоминала винчестер и называлась «Ред райдер» в честь космического ковбоя из комиксов. Такую винтовку показали в кино «Рождественская история». О ней мечтал Ральфи – *Мальши, ты выбьешь себе глаз*, – только у моей нет компаса в прикладе, и по ней нельзя узнать, сколько времени.

«Ред райдер» был нашим оружием в оленьих дозорах, а кроме воздушки, мы брали охотничий нож с резной рукоятью и карманный раскладной. Однажды сделали копье из бамбука, который срезали во дворе Эффи Скотта, – красное растение клонилось под весом зеленых плодов. Нашли на старом цементном заводе резиновый жгут и большой гвоздь, притащили в горы и принялись соединять. Долго усовершенствовались, добываясь равновесия, наполняли бамбук изнутри маленькими камешками и крепили к древку гвоздь так, чтобы он не оторвался при ударе о цель. Чтобы не сомневаться,

что острие войдет внутрь. Потратили более часа, а закончилось все за секунды.

Когда мы решили, что копьё готово, Мэтью взял его и велел мне бежать – пролаял единственное слово, будто я неизвестно чем разозлил его.

– Что?

– Беги! – повторил он, повысив голос.

При этом прикидывал вес копья, легко держа его на плече, и пробовал правильный жим, перебирая пальцами по древку, будто играл на флейте. Я не понимал, каковы намерения Мэтью, и стоял, не зная, как поступить. А он прищурился и выцеливал меня по древку – того самого копья, которое мы вместе с ним делали. Потребовалось две-три секунды, прежде чем все стало ясно.

И я побежал, не оглядываясь, пока не услышал пульсирующий звук, с которым суставчатое древко разрывало воздух, и оглянулся за мгновение до того, как острие вонзилось мне в икру. Оно вошло достаточно глубоко и, пока я замедлял бег, шагов семь-восемь, гремя, волочилось по каменистой почве.

А сейчас наступает самая трудная часть повествования: во взрослом возрасте в это сложно поверить, но я не сомневаюсь, что так оно и было. Я обернулся и, подобрав освободившееся из ноги копьё, вернул обратно Мэтью. Словно поноску охотничий пес.

Приняв горделивый вид, приятель протянул мне руки

ладонями вверх. Сомкнул кулаки на древке, согнул и раз встряхнул. Хорошее было копьё. Летало, как нужно. Двадцать, тридцать ярдов.

Мэтью прислонил оружие к дереву, взял меня за плечи и длинно присвистнул, как это делают, прочитав, что некий мальчишка выиграл в лотерею целую кучу денег.

Оглянувшись, я увидел дырку в икре и кровь. Крови не так много, но достаточно, чтобы струйка стекла за задник кроссовки.

– Ерундовая рана, – прокомментировал Мэтью.

Я посмотрел на копьё. Гвоздь на конце заржавел. У меня не сохранилось в памяти, знал ли я что-нибудь в ту пору о столбняке, однако понимал: о том, что случилось, надо, наверное, кому-нибудь рассказать. Хотя, догадываюсь, почему в детстве не слишком о себе откровенничал: стыдился и боялся, что накличу на себя неприятности. Вместо того чтобы сообщить о ране взрослым, я нацепил длинные штаны и, не снимая их неделю, опасался, что мне зададут вопрос почему. Но понятия не имел, с какой стати меня должны были спрашивать, для чего я хожу в длинных штанах.

– Подожди! – бросил Мэтью, снова потянувшись к копьё, и дернул меня к себе, словно я снова был готов пуститься наутек. – Стой, тебе говорят! – Он ткнул в меня пальцем.

То беги. То замри. То не шевелись.

Рану стало печь.

Мэтью снял с себя футболку, и, я готов был поклясться,

что сейчас он наклонится и натрет себя грязью или соком раздавленных ягод. Когда Мэтью взял копье, я зажмурился. Через несколько секунд услышал, как что-то рвется. Открыл глаза и сообразил, что при помощи нашего копья Мэтью продельывает в ткани отверстие. Затем он разорвал футболку на полосы. Заставил меня повернуться и, поплевав на ладонь, стер с моей ноги кровь. Я вздрогнул, когда его мокрые пальцы коснулись саднившей раны. Икра стала чистой, Мэтью дважды обмотал ногу полоской ткани от разорванной футболки и завязал на коже крепким узлом. Потом натянул на себя изуродованную футболку.

– Пошли искать оленя, Хитрюга, – предложил он.

Свангамская стрельба – под таким названием это событие стало известно – произошла ровно через год после того, как Мэтью угодил в меня копьем. Прошлый год мы почти все время проводили вместе, но в 1982 году многое изменилось.

За шесть недель до стрельбы был несчастный случай, слух о котором распространился в Росборне накануне Дня независимости Америки. Я расстроился, потому что родители мне сказали, чтобы я не приставал к Мэтью, дал ему возможность скорбеть со своими родными. И когда мы в следующий раз увиделись в среду 18 августа, казалось, что потеряли все лето.

В то утро до подъема на склон я явился на наше обычное место встречи и увидел с Мэтью девчонку, Ханну Дженсен,

на велосипеде. Она была в темных джинсах и красной футболке, на груди которой красовалось изображение рожка с мороженым. Я подумал, что ее присутствие имеет какое-то отношение к скорби моего приятеля – возможно, ему требуется душевная женская поддержка или нечто подобное. Если честно, от меня в этом плане толку мало. Хотя Ханна, как и мы, училась в седьмом классе, но не с нами, и я не понимал, в чем смысл ее появления. Присутствие Ханны меня огорчило.

Я решил, что план был таков: показать Ханне обычные наши места и действовать как обычно. Впервые мы брали посторонних с собой, тем более девчонку. Какие уж тут олени – продемонстрируем ей наш секретный форт, постреляем по банкам, а затем Мэтью попытается закадрить ее. Мы были еще детьми, однако на извилистом пути к взрослой жизни Мэтью оторвался далеко вперед, обогнав любого в седьмом классе. Особенно меня.

Несколько недель после его появления в Росборне в классе только и говорили, что Мэтью рос не где-нибудь, а в Нью-Йорке. Но взрослым его сделало не только влияние большого города – он был на самом деле старше, – перед тем как переехать в провинцию, пропустил в школе год.

Появление Мэтью в шестом классе было подобно могучему всплеску – он был на полтора года старше меня. Как будто среди нас бросили огромный камень. Это был не просто уличный драчун из Нью-Йорка, но существо выше нас, силь-

нее и взрослее. Мэтью мог сойти за шестнадцатилетнего, даже за восемнадцатилетнего, и долгое время с ним боялись заговорить – эдакой махиной из иного мира. Однако начав с ним сближаться, я понял, что Мэтью старше меня не просто по годам, но и по зрелости обогнал не только меня, но и других в росборнской средней школе, и при этом обладает таким однобоко упертым бесстрашием, что мое первоначальное сравнение с брошенным в шестой класс огромным камнем было не таким уж неверным.

Хотя, конечно, легко утверждать это через двадцать шесть лет. В то время Мэтью мне казался старшим братом. Я любил его и боялся.

Мы никогда по-настоящему не обсуждали девчонок, но я подозреваю, что Мэтью уже имел опыт половой жизни. И испытал близость с женщиной не однажды. Если бы я его спросил, уверен, он бы мне рассказал. Однако я не спрашивал – сама тема меня смущала. Несколько месяцев я наблюдал за тем, как Мэтью посматривает на девчонок, и постепенно привык к этому. Но если честно, особо мне это не нравилось.

Меня не слишком удивило, что вскоре после того, как мы привели в наше секретное место Ханну, Мэтью отослал меня – сказал, что это новая игра – разведка. Стал внушать, что я, мол, шпион и должен рыскать по округе, вынюхивать, нет ли поблизости оленя или туриста. А вернувшись, доложить.

– И вот что, Хитрюга, ты особенно не спеши, – добавил Мэтью, когда я собрался уходить.

Я шатался по склону минут тридцать – сорок, добрался до тропы на Сансет-Ридж и не встретил ни туриста, ни оленя. Но чуть не наступил на огромного куроода, бурей взвившегося на ярко освещенную скалу, и в этот момент решил, что довольно нагулялся, и повернул назад, гордый тем, что мне есть что рассказать. Вероятно, Мэтью объявит игру в охоту на змей, и мы вернемся к курооду со всем нашим арсеналом. Я представил потрясенное лицо Ханны, когда я выдохну слово «змея» и скажу, что она толщиной в мою руку.

Почему мне тогда не пришло в голову, что так же, как с кошками, попавшаяся на пути черная змея – плохое предзнаменование? Что было бы, если бы я послушался предостережения и не вернулся сквозь заросли горного лавра в наше тайное место? Ясно одно: история имела бы иной конец. Нет, я не верил, что мое присутствие в качестве свидетеля повлияло на то, что сделал Мэтью. Но несомненно, изменило меня – до такой степени, что итог моего рассказа теперь мне представляется неизбежностью. До такой степени, что правильная концовка превратилась в ощущение моей цели.

Пробившись сквозь последние ветви, я оказался на сцене, где действующие лица уже заняли свои места. Помню, удивился, как много веревки намотал Мэтью. Это мне напомнило старое немое кино: связанная злодеем в плаще жертва лежит на рельсах и беззвучно разевает рот.

Мэтью выстрелил в первый раз, Ханна вскрикнула от боли. И все понеслось.

Нью-Йорк, 2008

Его жена была уже в постели.

Патрик поболтал в стакане остатки «Джим-Бима», лед почти не растаял с тех пор, как он от души налил себе виски. Свет выключен, телевизор включен, звук приглушен. Леттерман в своем большущем костюме, размахивая руками, будто плыл по сцене, а оттого, что разевая рот, не произносил ни звука, все казалось еще более фальшивым. Патрик выключил телевизор.

Теперь комната освещалась только белым отсветом города. Патрик понес напиток к высокому панорамному окну – к северу от него низко в небе смутно сияло отражение Таймс-сквер. А затем его взгляд переместился на восток: Эмпайр-стейт-билдинг освещался подобно фруктовому мороженому на палочке – верхушка раскрасилась оттенками вишни и лимона.

– Нисколько не стареет, – прошептал Патрик.

Он-то нет, а вот ты – да, Пэддибой.

Последний глоток для сна, своего рода кнопка перезагрузки после очередного безработного дня. В тридцать восемь лет тебя выкинули на улицу.

В кухне, где, несмотря на городские огни, было темно, Патрик приоткрыл дверцу холодильника, высыпал лед и, отправив стакан в посудомоечную машину, двинулся в ванную. Щетки и зубные нити. Полоскал рот нарочито долго, чтобы

не осталось запаха виски, только свежесть мяты.

Когда он прокрался в спальню, жена уже спала. Патрик осторожно разделся в темноте, откинул одеяло и попытался улечься незаметно. Но когда матрас принимал последние фунты его плоти, случилось именно то, чего он старался избежать. И хотя не произошло ничего неожиданного, скрипнуло так громко, что Патрик подпрыгнул.

Жена вскрикнула.

Он поспешно повернулся и ударил ладонью по выключателю лампы, затем поспешил на помощь жене: она боролась с простыней, ее тело извивалось и выгибалось, истерика не отпустила.

– Тихо... – упрашивал Патрик. – Это я, Пэтч, никакой опасности.

Когда он коснулся ее плеч, она снова вскрикнула, пальцы царапали простыню. Патрик понимал: наступает критический момент – жена попытается вырваться. В прошлом это ей удалось всего раз. Крича, что какой-то мужчина приставил ствол к ее голове, она бросилась в кухню и, выхватив из стойки нож, принялась с ним бегать. А он, прижавшись к стене в спальне, звал ее: «Это Патрик, дорогая, Пэтч, милая», и держал у груди свернутую вдвое подушку. Через пять минут она проснулась. Что-то бормотала, ежилась, ходила. Спрашивала: «Где я», вернувшись в спальню с пустыми руками.

Нож Патрик нашел воткнутым в спинку кожаного кресла,

из длинного пореза вылезла пушистая белая набивка. В тот день он пользовался этим ножом, чтобы срезать пласт мяса с половины бараньей ноги.

В ту ночь, когда жена испортила кресло, Патрик совершил ошибку – повел себя с ней слишком напористо. И теперь не хотел повторить ее. Надо было избавить жену от кошмара тихим уговором, чтобы не превратиться в персонажа ее сна.

Отбиваясь ногами от одеяла, она почти освободилась.

– Это Патрик, Пэтч, и никого больше.

Жена сбила на лоб ночную маску и моргнула на лампу.

– Что такое? – тихо спросила она, но все еще испуганно.

– Это я, дорогая, ничего не случилось.

– Что я наделала?

– Ничего. – Патрик погладил ее по руке. – Ровным счетом, ничего.

Жена вздрогнула, но не отпрянула. Лицо напряженное, здоровый глаз широко открыт и моргает.

– Ничего не случилось? Что я говорила?

– Ничего, – успокаивая и уговаривая, ответил он.

Жена нахмурилась и потянула ночную маску вниз.

– Где-то была ручка. Я потеряла ручку.

– Утром найдем. Сейчас нечего писать.

– Ручку от кроличьей клетки, глупый! – вздохнула она. –

Снег так и валит.

– Тихо... – Он погладил ее по волосам. – Спи.

– Обещай, что не позволишь ему сделать мне больно. –

Она устроилась под одеялом. – Даешь слово?

– Тихо...

Утром жена помнила только, что кричала, но не слова. Однако Патрик все равно не мог ей лгать. Как он мог дать жене слово, которое уже нарушил?

– Спи, Ханна, – повторил он и погладил ее по волосам.

Утром в четверг они об этом не говорят, только обсуждают дела друг друга и строят планы на выходные. Жена случившегося не помнила, а Патрик не хотел ей напоминать. Только не сегодня. Она забыла кое-что еще, и он ждал, когда она раскроется солнечному свету. Каждый новый день начинался для Ханны с постепенного пробуждения – сорока минут нетвердого сознания, пока медленно рассеивался окутывавший ее туман.

Это ее состояние Патрик называл *groggi*. Все равно что жить с пьяным моряком. Ханна спотыкалась, ругалась на подворачивающиеся ноги, проливала кофе, роняла вещи, которые закатывались под кровать или под диван.

А затем преображалась – расцветала навстречу дню.

Патрик придерживался того же образа жизни и домашнего расписания, как перед тем, как месяц назад его уволили с работы.

– Пропустишь, Пэтч?

– Извини, Ханна, я первый.

Как только он слышал, что плеск в душе стихал, начинал

варить кофе. А когда приносил кружку, Ханна сидела, завернувшись в полотенце, на краешке кровати и расчесывала темные волосы. Впрочем, не совсем темные. Потому что блестящие. Волосы Ханны светились как коричневое стекло. Она улыбалась, когда Патрик ставил кружку, и во впадине между ее ключиц мерцали капельки воды. Жена нравилась ему такой – только что из-под душа, еще без косметики.

Ханна брала повязку на глаз, поднимала волосы, распускала их поверх резинки. Благодарила и поправляла повязку из черного блестящего атласа. На мгновение Патрику представлялась раковина мидии. Раковина, маскирующая отсутствие моллюска.

Потягивая кофе, жена смотрела на него здоровым глазом и бормотала:

– М-м-м...

Сверкающий голубой глаз, темные блестящие волосы. Они женаты ровно четыре года, но Ханна до сих пор удивляла Патрика – не только своей красотой, этим своим поразительным качеством, но главным образом своим присутствием, невероятным фактом, что она рядом с ним.

Патрик просунул руку в рукав спортивной куртки и коснулся мокрых плеч жены. Карточка торчала у него сзади за поясом.

– С годовщиной, Ханна! – Он протянул конверт.

На мгновение казалось, что она разочарована – скомкала на груди полотенце и впиалась в него взглядом здорового гла-

за. Но затем Патрик понял, что это не разочарование в нем.
– Все нормально, – произнес он. – Дашь потом. И вообще необязательно.

Накануне Ханна работала на месте преступления в Чайна-тауне, где совершилось тройное убийство: в обеденное время в маникюрном салоне были застрелены две посетительницы и бывшая жена стрелка. Во второй половине дня Ханна собирала информацию, пытаясь поговорить с детективом Маккласки, который обычно сливал ей «жареные» факты, и к пяти закончила материал для газеты. А вернувшись домой, расплакалась: одна из убитых была на третьем месяце беременности. Так неужели его можно заподозрить, что он обиделся из-за того, что она не нашла полчаса завернуть в магазин открыток и покопаться в разноцветном товаре?

Хотя это уже стало традицией – Ханна не впервые забывала о годовщине их свадьбы, трижды из четырех раз. Превратилось почти в причуду.

– Ничего нормального. – Она поджала губы.

– Не переживай. Открой.

Клапан был приклеен только в середине. Ханна подсунула палец и распечатала конверт, не разорвав. Она всегда сохраняла конверты. Достала открытку, прочитала текст и прижала к груди:

– Какой ты милый, Пэтч!

– Никому не говори.

– Это и так все знают.

Она притянула его к себе, и они поцеловались.

– У меня есть темная сторона, – проворчал Патрик.

ПЭТЧ

Уходя от Ханны, когда ее кровь уже стала буреть, я подумал, что впервые в жизни вижу труп.

Какие эмоции вызвала картина привязанной к дереву девочки? Плоти, крови, смерти?

А если возбуждала? Господи, неужели возбуждала?

Мы нырнули в чащу и к тому времени, когда выбрались на тропу к Расщепленной скале, у которой обычно прятали велосипеды, я, слишком потрясенный, чтобы не отставать от Мэтью, находился ярдах в двадцати позади. От того похода мне лишь запомнилось, что Мэтью шел вперед и вперед и тащил меня за собой.

У велосипедов он дожидался меня, опираясь ногой о камень, и своим видом напоминал отца семейства, отлучившегося на церковном пикнике покурить. Когда я приблизился, Мэтью стянул с плеча чехол.

Поднимаясь в горы, каждый раз мы брали с собой два чехла. Нашли их предыдущим летом, копаясь в хламе в гараже отца, – рыбацкие чехлы для двухколенной бамбуковой удочки из окрашенного в камуфляжные цвета брезента. Надевая их через плечо, мы ощущали себя солдатами в дозоре.

Мысль пришла в голову Мэтью: он заявил, что один из чехлов идеально подойдет, чтобы прятать мою воздушку «Ред райдер», хотя, если присмотреться, ружье было на дюйм длиннее. Он понимал, что это выглядит подозрительно, и, на случай если нас остановят, разработал план.

Накопив денег, мы отправились в Нью-Палц и, открутив педалями тринадцать миль, оказались в магазине предметов искусства и сопутствующих товаров. Я понял смысл плана, как только Мэтью продемонстрировал мне прозрачный пластмассовый тубус для рисунков. Мы купили такой и хорошей бумаги, чтобы свернуть внутри. И еще коробку карандашей. Договорились так: если нас остановят в горах, мы скажем, что любим рисовать пейзажи. Я открою чехол, покажу тубус с бумагой, может, даже вытащу карандаши.

Идея была превосходной и однажды выручила нас. В тот раз нас остановил в горах работавший в Организации охраны природы сотрудник. Иногда он приходил в школу рассказывать о камнях и деревьях – о вещах, которые нас интересовали. В тот день мужчина погнался за нами, окликнул, указал на чехлы.

– Ребята, вы в курсе, что рыбалка на озере запрещена?

Я снял камуфляжный чехол с плеча и уже тянул открывавший его шнурок. Когда мужчина приблизился, приспустил брезент, обнажая прозрачный тубус с бумагой для рисования.

– В курсе. Но мы не занимаемся рыбалкой.

И тут в разговор вступил Мэтью:

– Хитрюга любит рисовать на озере, сэр. У него очень хорошо получается вода. Кажется, будто движется.

Я вытащил карандаши и, стараясь привлечь все внимание к себе с тем, чтобы дюйм черного ствола не попался на глаза защитнику природы, с шумом перебирал их в руке. Он клюнул, даже улыбнулся, словно наш ответ неожиданно обрадовал его, потер седеющую бороду, спросил:

– Дома, наверное, как мои племянники, целыми днями режетесь в «Атари»?²

– Нет, сэр, – ответил я. – Предпочитаю рисовать.

– Воду?

– Да.

– А Джекобскильский водопад не пробовал?

– Постоянно.

– Что ж, вреда от вас нет. Только зарубите, парни, на носу, – он повернулся к Мэтью, – никакой рыбалки на озере.

После того случая мы еще не раз встречали защитника природы. Мэтью даже заставил меня нарисовать Джекобскильский водопад, и мы постоянно носили картинку с собой. Даже показали ему, и он сделал вид, будто ему понравилось. А когда защитник природы в очередной раз пришел к нам в школу, он говорил так, словно обращался только ко мне и Мэтью, будто лишь нас интересовал предмет его беседы. Мне на это было глубоко наплевать, однако я понимал, что

² Компьютерная игра.

этого человека лучше держать в союзниках, а не бегать от него по горам. Признаюсь честно, во время наших игр мы нарушали не одно природоохранное правило.

Мэтью вытащил из камуфляжного чехла ружье, бросил мне, и я поймал его.

– Теперь на нем отпечатки и твоих пальцев, Хитрюга.

Я посмотрел на свои руки: одна на прикладе, другая на стволе. Разумеется, на ружье есть отпечатки моих пальцев – оно же мое. Но оттого, что они появились после преступления, мне стало не по себе – словно они были свежее тех, что оставил Мэтью.

– Теперь нам нужен план, – заявил он.

Господи, нам всегда требовался какой-то план! *Нам нужен план* – это у Мэтью нечто вроде мантры. Мы не могли просто так кататься на велосипедах, обязательно требовалась цель поездки: определенное место, тропа или озеро.

Плюс к тому именно Мэтью всегда предлагал эти чертовы планы. Я же играл роль индейца Тонто при Одиноком рейнджере.

– Надо кому-нибудь рассказывать о том, что случилось? – спросил я, не глядя на него.

– Ты совсем дурак? Нас засадят в тюрьму пожизненно.

– Скажем, играли, а это получилось случайно.

Мэтью с отсутствующим видом поводил языком от щеки к щеке.

– Правильно. Так и поступим. Только сначала избавимся от ружья. Здешнее озеро слишком очевидное место – его выловят. В лесу тоже негде. Придется ехать в Моннахе – бросим в воду или где-нибудь зароем.

Моннаха – еще одно горное озеро в Свангамах, а также название окружающего его государственного парка в семи милях от нас. Мы иногда ездили туда, хотя оно не очень отличается от нашего, как и пейзаж от нашей горной цепи. Но бывало настроение, когда хотелось размяться, прокатившись по новой дороге, и мы изо всех сил давили на педали.

Почувствовав, как подкашиваются ноги, я уронил воздушку рядом с велосипедами и сел на камень. Запрокинул голову, чтобы втянуть воздух, чуть не ослеп от солнца, а когда прищурился, над головой проплыло темное пятно. Я сразу понял, что это было, хотя не мог хорошо рассмотреть. И в это мгновение ясно осознал, как нужно поступить.

– Пошли, Хитрюга! – Мэтью потянул меня за руки.

И тогда я снова увидел это пятно: ниже над дорогой. Гриф-индейка, крылья широко распростерты, тело приплюснуто, словно птица скользила по зеркальному стеклу. В то время я считал этих птиц летающими вампирами, воображал, будто их костлявые тела в плюмаже перьев бороздили воздух в поисках вкуса крови.

Моргнув на солнечный луч, я представил, как стервятник пикирует на труп Ханны, красная морщинистая голова поворачивается на тонкой шее, и бледный клюв раздвигает во-

лосы, как это недавно делал веткой Мэтью.

Выбитый глаз Ханны был путем наименьшего сопротивления, и я так и видел, как гриф вытягивает наружу, точно порванные резинки, жгуты плоти, глотает ошметки мозга, и загнутый клюв глубже и глубже проникает в череп.

Проклятие! Мне было всего двенадцать лет, факт, который что-нибудь да значил. Я уже совершал ошибки. Думаете, не сожалел об этом с тех пор? Ждал целую жизнь случая, чтобы исправить промахи. Но в тот момент, думая о Ханне и грифе, я стал наконец действовать. Разве не это важнее всего?

– Мы должны освободить ее, унести отсюда и кому-нибудь сообщить о том, что случилось.

Мускулы Мэтью напряглись, но на сей раз моя реакция была быстрее: повернувшись боком и подставив плечо, я атаковал его всем своим весом и врезал прямо под дых. Мэтью отлетел назад, и, когда ударился о дорогу, воздух толчками выходил из его груди. Я бросился бежать.

Нью-Йорк, 2008

Поцеловав мужа на прощание, Ханна уже выходила из квартиры, но вдруг повернулась, словно что-то забыв.

– Ты собираешься сегодня покупать продукты?

Он собирался.

– Тогда не забудь про капусту, мой листик. – Чмокнув его снова, она закрыла за собой дверь.

Патрик размышлял, насколько Ханна каждый раз неожиданна, играя со словами, будто те – пластмассовые кирпичики.

Купи сахару, мой сладкий.

А к обеду возьми телятины, теленочек.

Только не позарься на дешевую, дорогой.

И еще рису, крупиночка.

Патрик пошел в кухню сварить кофе и подумать, как провести долгие часы дома до возвращения Ханны. На сегодня хотя бы одно приятное занятие – приготовить их праздничную трапезу. Это будет мясо – огромное жаркое на двоих, на ребрышках с жареным в масле картофелем. Патрик не собирался портить впечатление блюдом с овощами. Никакого салата, шпината, брокколи.

Стейк и брокколи? Это в самом деле когда-то сказала Ханна или он бредит?

Но вечером она пожелает чего-нибудь зеленого. Зеленень означает здоровье. Ханна хочет, чтобы они оба жили вечно либо по крайней мере до тех пор, пока не начнут разваливаться по частям.

Не радужная перспектива, подумал Патрик, нюхая мясо, – возраст подходящий, самое оно. Он понюхал снова: аромат зеленого пастбища с намеком на сладость только что испеченной меренги.

Никаких салатов, шпинатов, брокколи. Перед горячим он подаст закуску из зелени, это будет настоящим изумруд-

ным буйством здоровья. Патрик принялся составлять список. Цуккини и огородный сахарный горох. Спаржа и яблоки «Бабушка Смит», молодые стручки гороха. Он взболтает к салату лимонную приправу. Может, понадобится купить кервель. Пусть каждая ложка салата обладает зеленой жизненной силой.

Аппетитный кусок мяса: достаточно зрелого, чтобы приобрести темно-красный цвет старых книжных томов, обрамленный широкой кромкой белого жира.

Патрик представил, как, сидя за кухонным столом и оценив его стряпню, Ханна подозрительно поглядит на него. Тогда он ей скажет игривым, почти вызывающим тоном: *А жир ты, если хочешь, можешь отрезать.*

В жире весь смак, ответит она, повторяя его излюбленную фразу. А затем где-то в глубине сознания он услышал ее вздох – любящий вздох.

Патрик посолил мясо, взял банку с копченым свиным жиром, тонким слоем нанес на мясо и, положив его в вакуумную упаковку, включил аппарат. Он стал вытягивать из пакета воздух, пока пластик не облепил продукт. Аппарат шипел, нагнетая жар и герметично запечатывая мясо.

Решив, что пока с подготовкой покончено, Патрик положил пакет в холодильник. Позднее он опустит его в водяную ванну при температуре 134 градуса по Фаренгейту. Для данного процесса есть свои приспособления – по-французски су-вид, то есть водяные печи с термостатом для пригото-

ния пищи под вакуумом – однако год назад Патрик решил, что смастерит свою. Даже замахнулся на погружной циркулятор. Электроника не представляла сложности, вопрос был в том, как паять.

Если бы они жили в деревне, он бы устроил себе мастерскую, но Ханна никогда не согласится уехать из города. Поэтому Патрик купил термореле и подвешивал продукты в риварке.

Он представил, как Ханна притворится, будто умирает от радости. *Погружной циркулятор? Или термореле? Пэтч, благодаря тебе наш праздничный ужин будет чертовски сексуальным.*

Она любила подшучивать над его понятными лишь посвященным кулинарными методами. Весьма саркастически, но не без любви.

Это называется приготовление пищи под вакуумом. По-французски – су-вид. Что может быть сексуальнее французского языка?

Ты прав. В Париже было романтично. Парк Тюильри, Поль Гоген, Музей д'Орсе. Подожди, Пэтч, ты сказал су-вид? Рассказывая брату, что это такое, ты упомянул Долину смерти.

Так и было. Объясняя свой кулинарный метод Шону и его жене Бет, Патрик решил, что старшему брату подойдет нечто более мужественное, чем рассказ о нежной водяной ванне.

Принцип такой, Шон. Самую высокую температуру на

Земле зафиксировали в 1913 году в Долине смерти, штат Невада. Сто тридцать четыре градуса по Фаренгейту. Идеальная температура для средней прожарки мяса с кровью, то есть такой, как ты любишь. Можно в самый жаркий день в Долине смерти набрать в кастрюлю воды, подождать, пока температура не сравняется с температурой окружающей среды, опустить в нее запактованное в пластик мясо и не бояться, что температура поднимется выше 134 градусов. Пережарить продукт невозможно. Оставляешь на час или два, затем быстро подрумяниваешь на сковороде и получаешь идеальное жаркое. Вот тебе и сто тридцать четыре.

– Турнедо³ а-ля Долина смерти? М-м-м... Беру. Только прибавь к этому, Пэтч, гарнир из картофеля по-сахарски.

– Картофель имеет иную молекулярную структуру, Шон. Для него потребуется примерно сто восемьдесят три градуса. Не исключено, что подойдет жаркая весна.

– Около ста восьмидесяти трех градусов? Обалдеть! А как насчет шпината по-калахарски, братан?

Через неделю Патрик пригласил Шона с Бет к себе на обед и даже напечатал шутовское меню, в котором значились турнедо а-ля Долина смерти, но картошку испек при температуре 460 градусов и назвал картофелем по-венециански. Шон только что не вылизал тарелку и сказал, что это было лучшее мясо, какое он когда-либо пробовал.

Воспоминание об этом эпизоде навело Патрика на мысль.

³ Маленькие, нарезанные поперек волокон кусочки вырезки.

Он нашел компьютер, принес в кухню и налил себе еще кофе.

Напечатал в документе «Кулинарные рецепты для блога» *Мясной рулет су-вид*. Провел ладонями по лицу. Тебе тридцать восемь лет. Тридцать восемь, а ты все пишешь в блог! Не пора ли повзрослеть?

Это временно, Пэтчи. Пока не найдешь другую работу.

Кликнул открытие странички в Интернете. Она носила название «Загон красного лося». Его блог обладал своей концепцией.

Ну-ка, поделись своими гениальными соображениями, Пэддибой!

Патрик писал посты для «Загона красного лося» с рекомендациями по совершенствованию одного, затем другого блюда, и в итоге получалось ресторанное меню. Его кухня служила тестовой площадкой для несуществующего ресторана – такого, какой он мечтал когда-нибудь открыть. «Загон красного лося» был бы не городским заведением – находился бы среди яблоневых садов. Однако у Патрика не хватало подготовки: он понимал толк в кулинарии, но не в ресторанном бизнесе. Вот и писал вымышленные меню в вымышленном блоге. Изобретал фантастические рецепты и готовил блюда для Ханны. Выкладывал, ел, превращал в посты.

В своем блоге.

Блог! Господи, какое безобразное слово. Звучит так, словно означает некое низменное отправление организма.

Патрик посмотрел на часы в плите. Встреча с доктором Розенстоком назначена не раньше трех – до нее еще пять часов. Со времени происшествия несколько недель назад он с ним виделся, однако не проникся уверенностью, что тот во всем разобрался.

Ты забыл, как дышать, Пэтч. А если поискать кого-нибудь, с кем ты мог бы посоветоваться?

Примерно месяц назад они с Ханной ехали на заднем сиденье такси к друзьям на домашний праздник. У водителя работало радио, и диктор рассказывал, что Америку подстерегает опасность самого серьезного со времен Великой депрессии финансового кризиса. Потеряв работу, Патрик послал свое резюме только в три места, решив, что основательно займется данным вопросом на следующей неделе. Ни из одного из этих мест ему не позвонили и не пригласили на собеседование. Даже на предварительную встречу.

...индекс Доу-Джонса менее чем за два месяца упал на тысячу с лишним пунктов, и эксперты предупреждают, что это лишь начало...

Патрик помнил, как сидел на заднем сиденье, поперхнулся и никак не мог проглотить. Не получалось. Пытался втянуть воздух. Не выходило.

Чувствуя себя ужасно глупо, он старался продохнуть, а Ханна просматривала сообщения в телефоне, не сознавая, что ее муж не помнит, как избавиться от помехи в гортани, а мир в это время вращался слишком быстро за окнами такси.

Дыхание – одна из основных функций человеческого организма. Разве может человек забыть, как дышать?

Поэтому через неделю Патрик начал посещать по четвергам в три часа доктора Розенстока. Сначала они говорили о его работе – о том, как Патрика уволили, затем, как это на него повлияло и что он теперь чувствует.

– Тяжесть в груди.

– Ощущение именно в этом месте, Патрик?

– Да.

– Оно окрашено в какой-нибудь цвет?

– Нет.

– Имеет форму?

Патрик постеснялся ответить: какая, к черту форма?

А теперь начал опасаться, что он единственный на свете человек, чьи монохромные ощущения не имеют формы.

Спустя несколько недель темой их бесед стало его детство. Патрик говорил о своем прошлом свободно, но только до конца двенадцатого года жизни – до 18 августа, даты за шесть дней до своего тринадцатого дня рождения. Тогда перехватывало дыхание, он не мог проглотить.

– Может, будет лучше, если вы все напишете?

– Не знаю.

– Мне не обязательно показывать, если не хотите.

Патрик открыл компьютер. Страница пустая, есть только заголовок: «1982». Каждая попытка написать о том времени

заканчивалась провалом – в ход шла кнопка удаления текста, и все исчезало. Он смотрел на экран, стараясь вспомнить свое бесцветное и бесформенное ощущение. Не получалось. Тогда решил описать горы, смолистые сосны, кусты голубики, водную гладь озера.

Начни с того, Пэддибой, что действительно имеет значение.

Патрик сердито отвернулся от ноутбука. Представлялось единственное: как почти лысая голова доктора Розенстока отражала свет настольной лампы.

Он не знал, насколько откровенно нужно писать и сколько лучше оставить в этой комнате с разросшимся фикусом и видом на Центральный парк из окна. Обязан ли доктор Розенсток куда-то сообщать все, о чем узнает?

Нет, Патрик не замышлял кого-нибудь убить, этого утверждать нельзя. Наверное, подобные мысли всем приходили в голову. Во всяком случае, до известной степени. Разве не так?

Но вот вопрос: какова вероятность? Ведь если думать о чем-либо достаточно часто, не становится ли свершение размышлений неизбежностью?

Вернувшись взглядом к экрану компьютера, Патрик набрал прямую линию. И вновь представил жену, сидящей напротив него за кухонным столом. Ханна одобрительно кивала. Я всегда говорила: нельзя хоронить прошлое.

Патрик перевел взгляд на экран.

Выстрелы звучали словно шлепки по воде: чпок, чпок, чпок – и каждый раз она вскрикивала, когда он в нее попал.

Строка его потрясла. Да, жена, разумеется, права.

Покосившись на часы, Патрик увидел, что почти двенадцать – до назначенного приема у доктора Розенстока осталось убить три часа. Он твердил себе: только не так, однако сознавал, что не послушается. Плечами ощущал, будто его тянут и не отпускают. Пустые часы жизни стал занимать Дон Тревино. Этот Тревино быстро превратился в очередную манию.

Патрик закрыл ноутбук и пошел искать ботинки.

Тротуар за дверью был посыпан солью, искусственные маленькие шарики казались катышками полистирола, но обещанный снег еще не навалился на город. Патрик направлялся на восток, петляя, чтобы не стоять на перекрестках, и лишь дважды задержался на переходах. Ему нравилось, когда светофоры любезно открывали ему дорогу. Подобные мелочи недавно могли расцветить или испортить ему день.

Мимо, элементами головоломки, скользили машины, составляя на фоне Манхэттена фигуры, которые мгновенно распадались.

По пути Патрик думал о воздвигнутом в воображении образцовом заброшенном амбаре. О его восстановлении, о том, как он в рабочем комбинеzone то там, то тут приходит на подмогу, как к вечеру с удовольствием чувствует, как гудят

натруженные руки и ноги. И вот, на висевшей у дороги вывеске появляются слова: «Загон красного лося», а ниже – силуэт животного. Тот же символ на меню, картах, салфетках из коричневой бумаги. Все готово, здание только что покрашено: стены красные с морозно-сахарным налетом, крыша белая. «Загон красного лося» отстоит от города на шестьдесят – семьдесят миль к северу – достаточное расстояние, чтобы считать уместными деревенские блюда, но не настолько большое, чтобы люди не приезжали семьями в выходные. Деревенские блюда, приготовленные с применением современных технологий. Совершенный отдых.

Со временем землю вокруг «Загона» можно превратить в огород, там будут зреть золотистые цукини, алые помидоры, сладкий зеленый горошек...

Довольно, – прервал его внутренний голос. – Все это игрушки. Тебе тридцать восемь лет, Пэддибой. Тебе нужна хорошая работа, а не идиотский блог.

Стало холодно, и Патрик почувствовал, как у него горят уши. Приближаясь к цели своего путешествия, он натянул на голову и надвинул на самые брови синюю шерстяную шапку.

Сорок седьмая улица, напротив здание, где он работал и откуда его уволили.

Вперед, Пэтч.

Он сверился с часами: почти половина первого, он может его не застать. Дон Тревино не сидит на месте по расписанию. Чтобы побороть дрожь, Патрик потопал ногами и глу-

боко засунул руки в карманы. Через полчаса ожидания он увидел Тревино сквозь стекло: тот выходил из лифта один – оживленный, в сером кашемировом пальто и меховой, на русский манер, шапке. Нос покраснел еще до того, как он оказался на холоде. Он толкнул калитку барьера и весело кивнул охраннику.

Патрик достал ламинированную туристическую карту, полуприкрыл ею лицо, но не сводил глаз с преследуемого. Тревино повернул направо, Патрик двинулся за ним следом по противоположной стороне Сорок шестой, отстав на пятьдесят ярдов. Голова Тревино возникала за желтым потоком таксомоторных крыш.

Он наткнулся на Тревино через неделю после того, как тот выгнал его с работы. В плечах зазудело, даже в носу зачесалось от сознания момента. Ударь его! Ударь! Сделай ему больно!

– Привет, Патрик, – произнес Тревино, несколько не смутившись, будто приветствовал соседа.

Патрик не ответил, а свою вражду к обидчику выразил только тем, что усмехнулся и с отвращением посмотрел на него.

В течение нескольких недель он неоднократно воспроизводил в уме эту сцену, рисуя детали улицы и встраивая их в свои фантазии.

Медные столбики навеса жилого дома. Патрик мог бы взять Тревино под подбородок и швырнуть на металл, а за-

тем ударом под дых заставить закашляться и задохнуться.

Окно ирландского бара. Хорошо бы взять Тревино за шкирку и проломить его обряженной в меховую шапку башкой стекло, чтобы вдребезги разлетелась, одобрительно хрустнув, неоновая вывеска.

Голубой почтовый ящик. Патрик представлял, как расширяет лицо Тревино о заклепки на боковой стенке. А порой воображал, что ящик открыт, голова и плечи Тревино внутри, он дергает ногами, изображая последние конвульсии раздавленного жука.

В каждой линии сложного сценария возникали свои вариации – иногда комические, гротескные, и погруженный в эти мысли, Патрик забывал о своем реальном бездействии в тот день несколько недель назад, когда, усмехнувшись, метнул на Тревино раздраженный взгляд, совершив тем самым одну из жизненно важных пассивно-агрессивных побед.

Может, сегодня наступил тот самый день?

Тревино повернул направо, Патрик перебежал улицу, по колено утопая в тумане выхлопа такси, и завернул за угол. Глаза не выпускали шапку преследуемого поверх суматохи на Пятой авеню. Тот снова повернул направо, открыл дверь и исчез.

Ту самую дверь, что трижды на прошлой неделе. И дважды на предыдущей. Через пять минут он появится оттуда с пакетом в затянутой кожаной перчаткой руке. В пакете сэндвичи, суп, напитки.

Патрик подождет его немного на Пятой авеню, а когда он выйдет, на всякий случай последует за ним к его офису.

На какой всякий случай, Пэддибой?

Вот и небо нахмурилось, и посыпал снег.

ПЭТЧ

Мне не требовалось оборачиваться, я и без того знал, что Мэтью находится у меня за спиной. Даже в зной я ощущал жар его ярости, гармонично вписывающейся в окружающий мир вместе с электрическим гудением жуков.

Предыдущим летом мы устраивали бег наперегонки, и в большинстве случаев я умудрялся его обставлять. Я обладал естественным шагом и, поскольку был ниже Мэтью, легче преодолевал неровности почвы. Но с тех пор он не вырос ни на фут.

В его первый день в нашей школе, когда мы переодевались в раздевалке, готовясь к уроку физкультуры, ребята украдкой бросали взгляды на небольшой островок волос у него между ног, которого ни у кого из нас не было. Теперь волосы стали гуще и росли у Мэтью не только между ног, но и ниже колен. Над верхней губой даже пробивались усы. Все тело Мэтью наполнилось силой Самсона.

А это означало, что я вовсе не был уверен, что бегал быстрее его. Мчался по удушающей жаре и, надеясь, что сохранил преимущество, отталкивался от земли безволосыми но-

гами.

Дорога в наше тайное убежище выводила на тропу по Свангамскому хребту. Справа склон круто спускался в долину, с другой стороны которой возвышался Сансет-Ридж. Но эта крутизна не шла ни в какое сравнение с бездной слева от меня: каменная стена отвесно тянулась в долину Хадсон. До земли было не менее тысячи футов, тропу отделяла от нее лишь легкая дымка.

Коварная, даже если просто идти по ней, для бегуна тропа представляла большую опасность. Верхний слой почвы тонкий, под ногами переплетение корней, по всему подъему наполовину утопленные в землю камни. Но я бежал, не щадя сил и, несмотря на опасность и страх перед Мэтью, проникся бодростью: легкие искрились жизнью, тело слушалось на пике возможностей. Так продолжалось первую четверть мили, но вдруг мне в голову пришла страшная мысль.

Может, я должен сначала поторопиться к Ханне? Даже если я выиграю эту гонку, что дальше? Мэтью не предложит джентльменское рукопожатие. Мол, отлично, Хитрюга, победа в кроссе за тобой. И раз выиграл, будем играть по твоим правилам.

Мысли мелькали в голове и мешали точности движений. Бег потерял сосредоточенность. Неуверенность вспенивалась, словно сода в бутылочных ракетах. Не догоняет ли меня Мэтью?

Помню, как мысленно твердил себе: *только не оборачи-*

вайся. Но это как с тем советом не думать о белом коте. Сразу начинаешь думать о нем.

Только стоило покоситься назад, этого хватило, чтобы шлепнуться с силой захлопнувшейся мышеловки. Не знаю, во что я угодил головой: в дерево, в корень или в скалу. По моему, в момент удара череп окаменел.

Когда я очнулся, перед глазами все плыло. Мелькнули верхушки деревьев, небо – Мэтью тащил меня от тропы.

Там, где я споткнулся, тропу от кромки Свангамского хребта отделяло футов тридцать, но я упал у одного из уступов, откуда открывался живописный вид.

Все болело. Я застонал, Мэтью отпустил меня, и боль резанула по разбитым о камни рукам и голове. Ломило в затылке – череп протестующее вопил на верхних тонах.

Мэтью навалился на меня, впился в запястья, распластал по земле, как делал в играх, когда хотел, чтобы я запросил пощады, и требовал, чтобы я наелся земли, грязи или проглотил живую лягушку. Оглянулся. Мне казалось, будто я могу читать мысли Мэтью, кружившие за его глазами, будто картинки в окошках игрового автомата.

– Ты всегда только и делал, что наблюдал, Хитрюга, – сказал он не зло, а устало. – Стоял в стороне и глядел. Думаешь, если не принял участие в деле, то все в порядке? Сорвался с крючка?

Я не ответил – смотрел на Мэтью, стараясь выбросить из

головой боль.

– Теперь ты заявляешь, что намерен что-нибудь предпринять, однако поезд уже ушел. Поздно. Можно спалить меня, спалить себя, Ханна от этого не оживет. – Теперь в его голосе было больше не усталости, а горького изумления. – Поздно, Хитрюга. А ведь в критический момент ты даже не заикнулся.

Мэтью грозно взглянул на меня, словно предлагая поспорить, но я промолчал. Почему, не знаю – что-то останавливало, побуждало притвориться непонимающим, следовать главной тактике моей жизни.

Мэтью уперся взглядом в мои руки. Быстро положил запястье на запястье, чтобы обе держать одной хваткой. У меня тонкие запястья, но, несмотря на это и слабость, я мог бы попытаться вывернуться, однако слишком страдал от боли.

Мэтью начал подниматься, понуждая к тому же и меня.

Когда мы оказались на ногах, принялся толкать назад. Я не оборачивался и не сопротивлялся. Из всех сил старался сдержаться и не кричать от боли. Так мы и двигались, как нескладная парочка, ковыляющая на танцевальной площадке.

А когда замерли, мне показалось, будто я почувствовал поднимающийся из глубины долины поток воздуха. Был бы я орлом, мог бы воспарить со скалы. Приступ боли был настолько силен, что я приказал телу покориться ему. Подобно тому, как в старых кинофильмах дамы падали в объятия

возлюбленных.

Он – Тарзан. Я – Джейн.

Веки опустились, когда Мэтью освободил мои запястья, а затем плечо.

– Открой глаза, Хитрюга, – потребовал он.

Но я не мог. Возникло ощущение, будто я стою на высоко натянутой проволоке, и самое легкое движение грозит потерей равновесия.

– Открой глаза, я тебе сказал!

Я снова не послушался и вспомнил, как мы с ним вместе нашли полосатого гремучника и Мэтью выстрелил в него. Гремучник извивался, как хлыст, и мы, вопя в две глотки, бросились спасаться, а когда остановились, так сильно хохотали, что опасность умереть от смеха была реальнее, чем от укуса змеи.

– Хитрюга, клянусь... Немедленно открой глаза.

Я представлял, как мы с Мэтью купались в озере, искали оленей и стреляли по банкам. Неплохо забавлялись в Свангамах.

Теперь мне казалось, что моя грудь – яблочко мишени.

Рядом будто что-то двигалось. Но наверное, меня коснулся ветер. Долго царила тишина, а затем, словно издалека слышался голос Мэтью:

– Хорошо, хорошо, Хитрюга.

Я открыл глаза. Он стоял в десяти шагах, сторбившись, с гримасой поражения на лице. Горько улыбнулся.

– Кстати, Хитрюга, башку ты разбил основательно. – Мэтью достал из заднего кармана красную бандану и повесил на камень. – Ты же понимаешь, здесь тебя искать никому не придет в голову. Прости, Хитрюга, дело вовсе не в тебе.

Мэтью повернулся, печально махнул рукой и нырнул под деревья, обратно к велосипедам.

Знойный смолистый сосновый воздух только усиливал мою дурноту. Я отошел от обрыва, хотелось сесть и уснуть, но опять вспыхнула боль в голове. Я осторожно потрогал затылок, пропуская сквозь пальцы мокрые волосы. Благодаря моей гриве про меня говорили, что я похож на Бобби Юинга из телесериала «Даллас». И она сослужила мне службу: голова была будто обмотана марлей. Рана находилась на макушке, и вокруг нее все склеилось. Пальцы ощупывали ниже, ниже, еще ниже.

Вскоре я услышал хлюпающий звук, будто наступили в грязь сапогом, и дернул головой, решив, что ткнул пальцем в мозг. Взглянул на руку так, словно кровь на ней вовсе не моя кровь. Вытер руку о камень, взял бандану Мэтью и прижал к затылку.

Надо было идти к Ханне, но от одуряющей жары кружилась голова, и я стал размышлять, сколько в такую погоду потребуется времени, чтобы началось разложение трупа? Когда появится запах? Я не мог избавиться от мысли, что Ханна висит, привязанная к дереву. Добыча для стервятников, и ее

кровь капает с их белых крючковатых клювов.

Нью-Йорк, 2008

Обжаренные на сковороде цукини с едва заметными темными полосками лежали в миске, посыпанные перцем и базиликом, и пропитывались оливковым маслом с вишневым уксусом. Мясо медленно «подходило» в воде, обваренный кипятком и вываленный в рисовой крошке картофель подсыхал в холодильнике.

Рисовая крошка – не делись ни с кем своим секретом, Пэтч.

От нее корочка получается аппетитнее.

Патрик сидел за кухонным столом и, чтобы не терять время, читал комментарии в своем блоге. За салат он примется, как только Ханна позвонит и сообщит, что выезжает домой. Тогда он начистит горку бледных стебельков спаржи, приготовит сахарную пудру и подкислит яблоки.

Швейцар Хорхе посвящен в его план и поможет все устроить наилучшим образом. Ханна войдет в дверь, он три раза коротко позвонит в квартиру – это их условный сигнал, – а сам постарается задержать ее: похвалит волосы, пожалуется на погоду, на снег, посочувствует бедным туфелькам.

– Только скажите, джентльмен, сколько времени мне ее задерживать?

– Минуты вполне достаточно.

– Никаких проблем, джентльмен.

– Спасибо, Хорхе.

Дальше действие. Темно-зеленое и светло-зеленое в лимонном убранстве: Патрик выложит на тарелке веночек из переплетенной цепочки горошин, а сверху рассыплет все остальное на первый взгляд в произвольном порядке. Составляя композицию салата, Патрик чувствовал себя наносящим краски на холст Джексоном Поллоком.

Никаких иллюзий пышности.

Приготовив салат, он пожарит картофель в утином жире и начнет нагревать чугунный брусок, на котором подрумянит мясо. Полчаса подогрева, и металл примет вид угля с намеком на золу в мерцающем чугуне.

К тому времени, когда салат будет на столе, Хорхе отпустит Ханну, дальше – тридцать секунд подъема в лифте в их пентхаус.

Патрик снимет передник и принесет шампанское. Жена войдет в дверь, а он будет стоять у стола в свадебном костюме, в том же галстуке, что четыре года назад, с тем же шелковым платком в нагрудном кармане и с обмотанной вокруг бутылки «Поля Роже» белой салфеткой.

Негромкий хлопок. С годовщиной, Ханна!

Она зааплодирует и поцелует его.

Все надо выполнить четко, строго по времени. Ради нее.

А затем Патрик подумал, не нужно ли добавить в салат чего-нибудь хрустящего. Например, фисташки. В кладовой стоял пакет ярко-зеленых с обрывками серовато-ореховой

шелухи орешков.

Поднимаясь из-за своего стола в Хибаре, Ханна пробует войти в образ домашней Ханны, праздничной Ханны, вычеркнувшей на сегодня улицы этого города.

В лифтах нью-йоркские полицейские, в коридорах нью-йоркские полицейские, в форме, в костюмах, безобразнейший, хуже не представить, четырнадцатизэтажный каменный куб цвета глины, вознесенные вверх приплюснутые этажи, отчего кажется, что здание присело на корточки. Изящество сортира и пропорции шахматной доски, адрес: Полис-Плаза, один, вид такой, будто гигант-кубист вылил на улицу терракотовое дерьмо (Инспектору Маккласки понравилось сравнение, Ханна слышала, как он, присвоив его, выдавал за свое, опуская только гиганта-кубиста и терракотовую субстанцию), самое главное здание в городе, по крайней мере для тех, кто ценит спокойный сон и сознание, что его не убьют в постели. Штаб нью-йоркского полицейского управления, главная полицейская команда, криминалистический центр в режиме реального времени, полицейский комиссариат, место, которое Ханна (наряду с другими непристойными названиями) величала своим офисом на втором этаже или для знающих – Хибарой, потому его так называли все репортеры, работающие по адресу Полис-Плаза, один и, кроме них, журналисты других изданий, конкуренты-побратимы, обитающие в том же маленьком пространстве – тон-

кая прослойка горчицы в говяжьем сэндвиче нью-йоркского полицейского управления.

Полицейское управление в лифтах, полицейское управление в коридорах, в форме, в костюмах, в суете, Хибара, Полис-Плаза, один... Ханна это любила, этим жила и дышала.

И оставляла каждый вечер с горечью и радостью. Новостной день с малой кровью – хорошо для города, но кровавая ночь – восторг для таблоидов.

Что же сегодня? Лишь намек на розоватый отсвет, может, и славно для ее парадного настроения. Парадного? Это правильное слово? Вероятно, она перепутала, скорее противоположного? Ханна решила спуститься по лестнице – всего один пролет, хватит, насмотрелась на копов, еще попадутся на выходе. Так и есть, офицер Кон (любит бейсбол, баскетбол, футбол. Команда «Метс», «Нетс», «Джетс», терпеть не может хоккей, две дочери).

– Четыре и двенадцать, Брайан? Четыре и двенадцать? Быть того не может!

– Так и есть, профукали сезон. Но коли ты из «Джетс», что с тебя взять? А тебе спасибо, Ханна, всегда напомним о чем-нибудь приятном.

– Что ты! Я бы не посмела. Имела в виду твоих дочерей. Ведь им четыре и двенадцать? Так?

– Хитришь, Ханна? Обойдемся без этого. Вот тебе бы тренировать «Джетс» вместо этого Гения. Более идиотского прозвища я не слышал. А дочерям девять и семь. Зеленая

банда? Девять и семь я бы принял.

– А ты взбодрись, и сразу станет легче – девять и семь! С таким результатом в следующем сезоне можно пролезть в плей-оф.

– Мечтать не вредно. Вот что я тебе скажу, Ханна: я люблю своих малышей, но за девять – семь продал бы их молодые души. Приятных тебе выходных!

– Тебе тоже, Брайан. Попробуй посмотреть хоккей. Обними от меня Жасмин и Кейли.

Ханна вышла в вечерний город, где от дневного снега на площади осталась лишь дымка, и наткнулась на Дэниела Очоа (болеет за баскетболистов «Никс», бейсболистов «Янкис», собирается жениться) и Марти Рассела (любимая команда «Девилс», обожает Брюса Спрингстина, семь сыновей).

– До сих пор не получила приглашения, офицер Очоа.

– Еще не назначена дата бракосочетания, леди пресса.

– Что тянешь? Пока соберешься повести под венец Изабелл, у Марти женятся все семь его сыновей.

У Ханны зазвонил телефон.

– У невесты двенадцать тысяч кузенов и кузин, и все хотят есть. Мне придется копить до Судного дня.

– Почему так рано сваливаешь, Ханна? Пятничный вечер, все только начинается.

– А может, я та самая, «Рожденная бегать».

Копы скривились, как от дурного запаха, но засмеялись.

А Ханна посмотрела на экран телефона: звонила Джен, подруга из детского сада.

– Привет, Джен. У вас там снег?

– Снег? Нет. Хотела тебя поздравить с годовщиной свадьбы.

Ханна промолчала. Ее брак с Патриком до сих пор был болезненным местом в ее отношениях с Джен. Не то чтобы та ее открыто осуждала – подруга такого никогда бы себе не позволила, но она не поняла – *зачем?* Четыре года назад Ханна обиделась всего лишь паузе, наступившей после того, как она сообщила Джен о своей помолвке. Тогда они не разговаривали почти год. Паузе, которая длилась не дольше этой.

– Спасибо, Джен. Уже четыре года. Не могу поверить.

– Какие планы на праздник?

– Пэтч готовит нечто особенное.

– Повезло.

Поступил другой вызов.

– Да, повезло. – Ханна посмотрела, кто звонит. – Черт! Мне нужно ответить. Извини, это по работе. Давай созвонимся в выходные. Скажи дочуркам ар-р-р-р от их тети Ханны.

– Ладно. Приятного вечера, Ханна. Целую. Привет Патрику.

Ханна помедлила, прежде чем ответить на другой звонок. Вдали послышалось жужжание вертолетов, спиной она почувствовала, как загудело четырнадцатипятиэтажное здание, по-

всюду выли сирены. Она понимала, что вызов новостного редактора надо сбросить на голосовую почту, сказать, что находилась в метро. Сегодня их с Патриком четвертая годовщина свадьбы, нужно выждать полчаса и, чтобы там ни случилось, разбираться будет поздно, новость устареет, и она пригубит из бокала шампанское. Пэтч всегда покупает один и тот же сорт – тот самый, какой они пили в ресторане перед их первой ночью в его квартире, очень сладкий, и Патрик с ней очень, очень мил.

Но Ханна ответила.

ПЭТЧ

Я наполовину спустился к Джекобскилскому ручью, когда услышал то, что сначала принял за крики сойки, и лишь когда разобрал слово «помогите», понял, что Ханна жива.

В то мгновение я, наверное, испытал огромное облегчение, словно до этого нес непосильный груз, который вдруг исчез. Хотя, что точно чувствовал и думал в двенадцать лет, для меня загадка. Не уверен, кем был, когда на меня свалился ворох проблем.

Так можно знать календарь. Или гастрономическое меню.

Запомнилось, что попытался бежать. Но бежать с намочшей от крови, прижатой к ране на голове банданой было трудно. К тому же тропа была крута и усеяна острыми камнями. Мир перехлестывался, словно я читал без очков книгу

формата 3-D, и я не побежал, а пошел, оступаясь на каменистой осыпи и чувствуя, как скребут о подошвы кроссовок и сыплются из-под них камни.

Перебравшись через ручей, я начал взбираться на подъем, и звуки стали четче. Иногда «помогите» или сдавленный крик, вызванный то ли усилием, то ли болью. В промежутках странный непонятный звук.

Засунув бандану в задний карман, я понесся по тропе. Услышав треск веток, Ханна, насколько могла, повернула голову в мою сторону. Лицо перекошено дикой гримасой, взгляд полон отчаяния. Увидев меня, она вскрикнула и попыталась освободиться от веревок.

До сих пор вижу черты ее лица, когда она боролась с узлами, четкий изгиб подбородка, мягкую, восходящую к уху дугу скулы. Выводя эти слова, я представляю, как поворачиваюсь в кровати, надеясь увидеть, что жена еще спит, и я могу разбудить ее, подав в постель кофе, рогастики и газеты.

Разве можно к такому привыкнуть?

Я пытался успокоить ее, но Ханна кричала, билась и вряд ли слышала меня. Поэтому я не стал приближаться, а обошел ее так, чтобы она меня заметила, и встал, подогнув колени и вытянув вверх руки.

Ханна вертела головой, словно ей был невыносим мой вид. А затем я понял, она пыталась разглядеть, нет ли со мной Мэтью. И завопил: «Он ушел, и обещаю, больше не вернется».

Ее колотило меньше.

Когда она взглянула на меня, я уперся кулаками в землю и разревелся.

– Прости, Ханна. Я не знал, что он... я бы никогда...

Она громко шмыгнула носом и тряхнула головой, не в состоянии поверить в то, что случилось.

– Господи, Пэтч, что я скажу маме? Она меня убьет!

Я молча таращился на нее. Что на такое ответить?

Сжав зубы, Ханна скулила от боли.

– Он выбил мне глаз, болит, я им не вижу, – она стала заикаться, – не вижу. Пэтч, как он выглядит? Плохо? Ничего им не вижу. Плохо?

Она скривилась, не понимая, что я не мог разглядеть ее поврежденный глаз из-за рассыпавшихся по лицу и слипшихся от крови волос.

– Не очень, – соврал я, все еще стоя на коленях, отчего ложь прозвучала намного грубее. И стал подниматься.

– Но все-таки как? Мама заметит?

– Нет. Он налился кровью. – К моим рукам пристали сухие листья, и я отряхнул их.

– Почему я им не вижу?

– Наверное, от удара, – ответил я, слегка постукивая о землю мыском кроссовки. – Вероятно, это шок, ну, как потеря сознания. – А потом произнес то, во что сам верил: – Если там что-нибудь не так, врачи все исправят.

Ханна моргнула здоровым глазом.

Я колебался, не приближаясь, будто между нами протянулась зона, через которую мне не было прохода.

– Можно я подойду помочь тебе?

Ханна кивнула. Я робко шагнул к ней и заглянул за дерево, посмотреть на узлы. Ханна тяжело дышала.

– Надо раздобыть нож, – сказал я.

Веревки скрипнули.

– Не-е-ет! – пискнула она. – Не оставляй меня одну, Пэтч!

– Это недалеко, – успокоил я. – У нас здесь склад. Займет не более минуты. Ни о чем не беспокойся. Я стану насвистывать мотивчик, и ты будешь знать, что я рядом.

Углубившись в деревья, я начал высвистывать мелодию «Свисти за работой» – единственную, которая пришла мне в голову. В этом месте находилось наше хранилище – все, что мы сюда приволокли, положили под брезент и забросали листьями: бластер, рогатку, копье, шарики для воздушки в жестянках и стеклянных баночках. Там же лежали капсулы с содой и бумажные мишени, которыми мы пользовались, играя в тир. И поскольку хранились консервы, рядом валялась открывалка. А вот подобранным там-сям костям и отросткам оленьих рогов мы так и не нашли применения. Здесь же хранили компас, в котором совершенно не нуждались, пару слабых пластмассовых биноклей, гору фляжек, в них мы набирали воду из ручья, а потом пили, опрокидывая в рот и воображая, будто мы заправские мужчины и глотаем виски. Были тут банки из-под маринада для лягушек, пара зажига-

лок и игрушечные наручники. А еще два ножа: карманный раскладной, почти совершенно тупой, и охотничий с костяной ручкой, резьба на ней изображала медведя гризли, дерущего когтями сосновый ствол. Он очень нравился Мэтью, и мы им почти не пользовались, поэтому складной нож затупился.

Оказавшись на месте, я заметил, что брезент сдвинут в сторону, и сообразил, что Мэтью израсходовал все наши веревки.

Самые тонкие мы натягивали, устраивая ловушки, толстые годились, чтобы, играя в Тарзана, перескакивать через ручей или сворачивать лассо. А также развлекаться освобождением от пут – эту игру мы прозвали «Гудини». В «Гудини» я был лучшим из нас двоих – не потому, что умел развязывать узлы, просто мои руки тоньше, и я легче выворачивался из петель.

Точно зная, где лежали ножи, я посмотрел в то место и понял, что охотничий нож исчез. Подумал, не собирался ли Мэтью перерезать мне горло, когда полчаса назад распял на земле.

И тут, услышав, как Ханна, плача, выкрикивает мое имя, сообразил, что перестал свистеть, и, не накрыв наши богатства брезентом, бросился обратно, уговаривая ее успокоиться и обещая, что все закончится хорошо.

– Прости. – Подхватив обгрызенным ногтем лезвие, я открыл карманный нож.

– Скорее, Пэтч! – попросила Ханна, дрожа от озноба на жаре.

Лезвие было настолько тупым, что я, наверное, скорее перегрыз бы веревки зубами.

Нью-Йорк, 2008

Он ждал, что Ханна снова позвонит, и следил, как на новостных телеканалах история обростала новыми подробностями. Но к одиннадцати часам все детали были изложены, и рассказ пошел по кругу.

...работал два года в ювелирном магазине в Уэст-Виллидж, но после нескольких жалоб покупателей на его поведение Джонсон был уволен владельцем магазина Элайасом Петридисом. Сегодня, судя по всему, Майкл Джонсон следил за своим бывшим хозяином с момента, когда тот закрыл магазин. То, что произошло неподалеку от Вашингтон-сквер, случилось на глазах сотен свидетелей. Напоминаем зрителям о натуралистичности действия. Подробности от Дэна, нашего корреспондента на месте преступления.

Спасибо, Мишель. Примерно в шесть вечера, тогда еще шел снег, за углом отсюда, на Вашингтон-сквер, Майкл Джонсон догнал своего бывшего работодателя, владельца ювелирного магазина Элайаса Петридиса. Магазин вы можете видеть за моей спиной, на Девятой улице. Джонсон

крикнул своему бывшему боссу, чтобы тот остановился, повторил несколько раз, сопровождая требование крепкими выражениями. Обернувшись и заметив Майкла Джонсона, мистер Петридис ускорил шаг, и в этот момент Джонсон вытащил пистолет и, выстрелив в Петридиса, вероятно, попал в ногу. Раненый повалился на землю. То, что произошло дальше, потрясло пораженных свидетелей. Они рассказывают, как Джонсон, словно сумасшедший, набросился на бывшего босса – по словам одного очевидца, с безумными глазами, – достал из рюкзака то ли нож мясника, то ли большой разделочный нож, а затем... предупреждаю еще раз, дальнейшее не для слабонервных... попытался обезглавить Элайаса Петридиса, выкрикивая: «Ну, посмотрим, кто из нас теряет голову!» Очевидцы, тяжело травмированные зрелищем, утверждают, что парк в этот момент охватила паника, упоминают об истерике – сотни людей бежали и кричали, хотя далеко не все понимали, отчего они бегут и куда. Именно в этот момент всеобщего безумия и панического бегства, услышав выстрел, на место преступления прибыли полицейские Майкл Карп и Энтони Лоренцо и, угрожая оружием, приказали Джонсону бросить нож. Дальше следуют противоречивые свидетельства: одни говорят, будто Джонсон бросил нож, встал и повернулся к полицейским с поднятыми руками. Другие свидетельствуют, что он размахивал перед полицейскими ножом, словно хотел броситься на них. Третьи припоминают, что Джонсон все

еще держал свой пистолет, вскочил и направил на полицейских, таким образом совершив самоубийство посредством копов.

Прерву тебя на секунду, Дэн. Поясни для тех, кто не слышал твою фразу, что значит совершить самоубийство посредством копов?

Хорошо, Мишель. Совершить преступление посредством копов означает спровоцировать их применить оружие, например прицелившись в них, как случилось сегодня. Однако повторяю, детали не дают нам ясной картины. Точно известно одно: потребовав бросить нож, оба стража порядка открыли огонь, и, как утверждают свидетели, Джонсон умер на месте под градом пуль. Как я уже сказал, Мишель, с этого места в свидетельских показаниях начинаются противоречия: нам, например, неизвестно, был ли все это время пистолет в руке у Джонсона, стрелял ли он из него. Зато мы знаем, что во время этого страшного инцидента от шальных пуль и отлетевших осколков пострадали семь человек, причем один из них, мужчина лет двадцати, умер от огнестрельной раны по дороге в больницу. Кто в него попал: Джонсон или полицейский? Пока рано делать вывод, но очевидно одно: сегодняшнее жестокое зрелище, эту жуткую трагедию не забудет никто из очевидцев. Слово тебе, Мишель.

Спасибо, Дэн. Чтобы пролить свет на эту невыносимо ужасную историю, к нам присоединяется...

Когда зазвонил телефон, было почти одиннадцать часов.

Патрик забыл, что смена Хорхе заканчивалась в десять, и не подготовился к тому моменту, когда Ханна вошла в квартиру. Ни свадебного костюма, ни шампанского, только усталые объятия и извинения жены.

– Скорее сбросить туфли, – произнесла она, но, не разувшись, села в кресло, зажмурилась и закрыла лицо руками.

Патрик ушел в кухню и надел пиджак.

Однако хорошее шампанское и вкусный салат сделали свое дело: Ханна постепенно отстранилась от дневных трудов и вернулась в домашнюю обстановку, к накрытому романтическому ужину. Все вечера были похожи друг на друга: Ханна словно оставалась на местах преступления, и ее приходилось буквально втягивать обратно, только сегодня этот процесс занял больше времени, чем обычно.

Ханна мало говорила о трагедии на Вашингтон-сквер, а Патрик не расспрашивал, она лишь заметила, что Маккласки поведал ей то, что муж узнал из телерепортажей.

– Все как-то совершенно бессмысленно, – прошептала она.

Ханна принесла шампанское в спальню, освободила от заколки волосы, и они рассыпались по плечам. Поправила эластичную повязку на глазу и бретельки платья, в которое успела переодеться.

Патрик ушел перевернуть картофель, а когда вернулся,

Ханна почти успокоилась и вспоминала об их свадьбе четыре года назад. Патрик поцеловал жену в лоб, она вытащила из его нагрудного кармана шелковый платок и, когда муж распрямился, быстро скрутила ткань и обернула вокруг своего запястья.

– Это тот самый, который был у тебя на свадьбе?

Патрик кивнул.

– Помнишь, как ты не мог ничего выговорить? Бэ... мэ...

– Был очень сухой воздух.

– Скажи лучше, что язык проглотил.

Патрик оставил ее открывать бордо, а сам принялся заниматься потрескивавшим на раскаленном металле мясом. Дым был настолько сладким, что он ощутил во рту вкус карамелизированного жаркого. Патрик проверил покрывшийся золотистой корочкой картофель и вернулся к жене. Ханна согрелась, напряжение почти исчезло. За столом с зажженными свечами она глотнула вина и предложила еще один свадебный тост. Патрик приблизился, Ханна взяла его за галстук, притянула к себе и поцеловала. Губы требовательно прижались к его губам. Ханна легонько прикусила верхнюю губу Патрика и, не позволяя отстраниться, потянула к себе. Стало больно. Ощувив его боль, Ханна заворчала и отпустила.

– А теперь, мой слуга, неси мне мясо. – Она шлепнула себя по бедру.

Приятная боль поцелуя оставалась с ним, когда он слаб-

ривал жаркое расплавленным маслом.

Его появление, как Патрик и рассчитывал, Ханна встретила аплодисментами. Как планировалось, когда замышлялась операция с Хорхе и ее возвращением домой. Под ножом мясо было тонким и розовым внутри, с темной корочкой снаружи. Картофель тоже был на высоте: крупинки соли, под ними излучающая свет золотистая корочка, в середине мякоть.

Ханна попробовала мясо, и, когда вздохнула и от восторга застонала, Патрик сказал:

– Я приготовил стейк, потому что...

– Хотел напомнить мне о том первом вечере, когда мы поцеловались, – перебила жена и, потянувшись под стол, коснулась его колена. – Но вернемся к нашей свадьбе. Поправь меня, если я ошибаюсь. Помнится, ты тогда стоял, как солдат по стойке «смирно». – Она развернула плечи и выпучила здоровый глаз. – Это было романтично. Именно так, как я представляла.

– Я был сосредоточен. – Патрик обвел вилкой в воздухе круг. – Серьезно относился к тем обещаниям, которые давал. И сегодня их чту.

– Ага! – Ханна мазнула его по щеке завязанным на запястье платком. – Теперь я понимаю, зачем он тебе понадобился.

Он посмотрел на нее с сомнением и произнес:

– Я полагал, что каждая клеточка моего тела изойдет слезами.

Ханна кивнула и улыбнулась:

– Ну а теперь, Пэтч, расскажи, как прошел твой день.

– Опять звонил отец. Все то же самое: хочет устроить мне встречу с человеком из «Голдман», который ему обязан.

– Надо встретиться.

– Ты же знаешь, Ханна, я ничего не хочу принимать от отца.

– Знаю, знаю. И уважаю твои чувства. Но мечтаю, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив. Разве не так? У меня есть ты.

– Это трогательно. Однако ты все равно подумай.

– Ладно. Но я могу справиться и сам найти работу.

– Конечно, можешь. – Ханна накрыла ладонью его руку. А когда посмотрела Патрику в лицо, он моргнул, словно чувствуя в себе пустоту, которую лишь она одна могла заполнить. – Знаешь что? – Вместе с изменением темы изменился и ее тон. – Я хочу еще вина.

Патрик взял бутылку, собираясь налить, но она накрыла рукой бокал.

– Из другой бутылки.

– А с этой что-нибудь не так?

– Просто хочу другую.

Он посмотрел сквозь бутылку на пламя свечи. Наполовину полная.

– Пэтч, пожалуйста, сходи за другой. Из правого угла на винной полке над шкафом. – Видя его недоумение, Ханна

добавила: – Сделай, как я говорю.

Чтобы достать до винной полки над шкафом, Патрик встал на лесенку-табурет, но, не дотянувшись, забрался на гранитную столешницу. Вытянув бутылку из правого угла, он увидел, что вино в ней белое.

– Ты сказала из правого угла? – крикнул он. – Там сабли.

– Может, я ошиблась. Неси, какую хочешь. Любая сойдет.

Патрик выбрал «Мальбек» и вытер со стекла пыль.

– Открыть?

– Нет, просто притащи.

Качая головой, он вернулся в комнату и увидел, что на столе все сдвинуто к краю: тарелки, бутылка, подсвечники, приборы, винные бокалы. А на другом конце покоилась голова Ханна. Она лежала на спине и смотрела на Патрика через плечо – вытянувшаяся, нагая, ее тело сияло, отражая крохотное пламя свечей. Грудь, живот, бок.

– Извини, Пэтч, что я опоздала, – промолвила она.

Ее темные волосы обрамляли верхушки грудей, а между ними, как на перемычке солнечных часов, покоился первый кусочек мяса.

– Я подумала, тебе понравится начать сверху и спускаться вниз.

Кусочки мяса, как маленькие камешки перехода через ручей, тянулись цепочкой к пупку, разделяли пополам таз, ярко алели на яично-белой коже, поднимались и опали на животе. Взгляд Патрика скользнул вниз, туда, где крова-

во-красная дорожка исчезала между ног.

– Этого довольно? – спросила Ханна.

Красный соус запятнал ее бедра и ребра.

Патрик судорожно сглотнул и кивнул.

– Тогда не дай им остыть, Пэтч. – Она улыбнулась и скрестила руки за головой.

Он поставил бутылку с вином и поспешно разделся.

ПЭТЧ

Стоя за деревом, я начал с веревок, опутывавших Ханне шею, и молча перепиливал каждую. Когда тупой нож разрезал последнюю, она упала на землю, свернулась калачиком и закрыла голову руками. Кисти в пупырышках и царапинах, и некоторые уже начали воспаляться, кожа побурела, как разрез на яблоке. Ханна лежала, такая маленькая, и я заметил на задних карманах ее джинсов вышитых персонажей из мультиков – с одной стороны кот Сильвестр, с другой – птичка Твитти.

Я стоял, не зная, что делать, объятый стыдом и убежденный, что все произошло по моей вине. Оглядываясь назад, я бы посоветовал тому мальчишке наклониться и подхватить Ханну на руки. Но нет, первое в жизни испытание настигло его слишком рано. Разве можно подготовиться к чему-нибудь подобному?

Отплакавшись, Ханна потянулась ко мне, и я поднял ее на

ноги, однако не мог смотреть в ее глаз и остановил взгляд на изображении рожка с мороженым в центре красной футболки. Только теперь белое мороженое было забрызгано красным, будто его оросили вишневым соком.

Она скрестила руки и согнулась, словно замерзла.

– Пэтч, теперь я хочу домой.

От ее слов у меня отлегло от сердца. Хоть какой-то план. Домой. Именно дома я мечтал сейчас оказаться и навеки остаться там.

– Тогда сюда, – сказал я, поворачиваясь.

Но как только встал к ней спиной, Ханна охнула:

– Господи, Пэтч, что случилось? В чем твоя рубашка на спине? В крови?

– Ах, это... – Я посмотрел через плечо. – Споткнулся о камень. Грохнулся так, что вырубился. Дрянная история, но ничего – встал.

Благородная бравада. Я отвернулся, чтобы скрыть кислую мину на лице, и мы тронулись в путь. Я помогал Ханне продираться сквозь чащу и, боясь, как бы она не наткнулась на что-нибудь здоровым глазом, раздвигал перед ней ветки. Что еще я мог для нее сделать?

На тропе я пошел вперед, но на берегу Джекобскильского ручья дождался, чтобы помочь ей перейти по камням. Ханна держалась за глаз, и я понимал, что ей больно. Попросив ее немного подождать, я достал из кармана бандану, смыл с нее кровь и мокрую свернул в виде холодного компресса.

Когда протянул Ханне, она лишь удивленно взглянула на меня.

Я взял ее за запястье, отвел от лица руку, и когда начал подносить бандану к ее лицу, невольно опять посмотрел в глаз. Раньше меня к этому принудил Мэтью, тогда в глазу была кровь. Теперь она высохла, и на одной стороне лица запеклись бурые корки. Мне удалось разглядеть веко со слипшимися ресницами. Я почти приложил бандану к глазу, но тут веко затрепетало, и я заметил в запекшейся крови кое-что еще.

Как непроваренный яичный белок. Меня чуть не вырвало. Эта картина возвращается ко мне все двадцать шесть лет, и всякий раз, когда я ее вспоминаю, меня начинает тошнить. Мокрая ткань коснулась ее лица, Ханна вздрогнула и резко втянула воздух.

– Тихо... – Я попытался успокоить ее. – Прижми и держи. Ханна послушалась, и я перевел ее за руку через ручей.

Не могу вспомнить из детства ничего более жестокого. Были времена, когда я уставал, терял силы, болел. Но все это не критично. Жестокость – нечто такое, что я связываю со взрослым возрастом.

Но тот путь к велосипедам был по-настоящему жесток. Каждую секунду мне хотелось сдаться, поэтому я старался думать лишь о следующем шаге. Если на землю ступала нога, затем другая, это было маленькой победой.

Мы молчали. На крутизне или там, где требовалось перебраться через камень, я протягивал Ханне руку. О чем нам было говорить? Когда мы наконец добрались до Расщепленной скалы, Ханна почти теряла сознание, потому я предложил ей сесть на багажник за мной. Слава богу, дорога в Росборн постоянно тянулась под уклон.

Я понимал, что нужно отвезти Ханну к врачу. Но единственный доктор, которого я знал, жил дальше на две мили, поэтому у первого же дома я завернул на подъездную аллею. На моем плече мертвым грузом лежал подбородок Ханны.

Подкатив к дому, я заметил в кухонном окне пожилую женщину, она смотрела на солнце сквозь стакан, ее пальцы были в мыльной пене. Увидев нас, она дернула головой и, выбежав из двери, повторяла: «Господи! Господи!» Этот момент я хорошо запомнил, поскольку в глазах все стало серым и зернистым, как на экране плохо настроенного телевизора.

Я не просыпался и лежал с крепко забинтованной разбитой головой, пока перевернутый лист календаря не превратил ту среду в августе 1982 года в четверг.

Нью-Йорк, 2008

Зима тает, превращаясь в холодный дождливый сезон, в конце которого на деревьях робко набухают почки. Через несколько дней наступает настоящая весенняя погода, а с ней возникает ощущение свежести и тепла, население города в одно мгновение будто утраивается, и улицы переполняют-

ся свежеобнажившейся плотью. Свежесть длится три дня, а затем Манхэттен погружается в жару, и температура ползет от шестидесяти к девяноста градусам.

Отец звонил дважды, оставлял сообщения, настаивал на встрече с человеком из «Голдман», который был ему чем-то обязан. Патрик не отвечал, однако стал менее разборчивым в поисках работы – разослал свое резюме в одиннадцать мест и провалил пять собеседований. Ханне не понравилось слово «провалил», но какое еще подобрать? С поисками работы следовало поспешить – финансовый кризис с каждым днем, с каждым новым бюллетенем набирал обороты. Как сказал об этом Тревино? «Торнадо с пятьюдесятьюпроцентной вероятностью превратится в апокалипсис».

Патрик все больше готовил. Постоянно ходил на овощной рынок и возвращался с полной плетеной корзиной корнеплодов и яблок, а потом и тем, что дарит человеку весна: стручковыми бобами, спаржей, щавелем, артишоками. Больше писал в свой блог, и число посетителей «Загона красного лося» постоянно увеличивалось, притом каждый заходил не на одну страницу. Патрик опасался, что может наскучить большим количеством информации, но, похоже, сумел удовлетворить определенную категорию запросов. На него наседали брат, уговаривая принять от отца помощь. В итоге они поругались – Патрик сердито бросил трубку, когда тот стал смеяться над словом «принципы».

Он поставил перед собой задачу попробовать каждый ре-

цепт из кулинарной книги Жан-Жака Ругери – подарка Ханны на Рождество. «Нью-Йорк таймс» отозвалась о ней как о самом стимулирующем сборнике рецептов для домашнего повара. Когда Патрик не выдумывал блюда для «Загона красного лося», он заправлял шоколадом краскопульт, чтобы распылить его на шар мороженого размером с дыню, или превращал куриный жир в порошок, которым сдабривал зеленые салаты, как накрошенным сыром фета, или вареными в топленом масле яичными желтками, – капля за каплей, так, что по окончании действия тарелка казалась усеянной сотнями крупинок зерна.

Патрик начал привлекать методы Жан-Жака Ругери для домашней кулинарии «Загона красного лося», но чтобы это оставалось незаметным. Как он выражался: магия за занавесом.

Его методика быстро совершенствовалась. Порой Патрик смотрел на приготовленное блюдо, и ему приходило в голову, что кто-то будто управлял его рукой. Но он понимал, что надо искать работу, и часами подбирал одежду для собеседований, словно комбинация ботинок и галстука, носков и рубашки, цвет костюма серый или синий могли повлиять на результат.

Патрик провалил еще три собеседования, хотя в последнем случае надеялся, что попал в точку.

Серый костюм, светло-голубая рубашка и коричневый галстук.

Он продолжал ходить за Доном Тревино. Не устанавливал для этого определенных дней, но получалось все чаще и чаще. Однажды сообразил, что ходил за ним четыре из пяти рабочих дней – будней – и обещал себе сократить до двух.

По дороге на эти тайные миссии или возвращаясь после них, Патрик считал важным выбирать путь так, чтобы не останавливаться ни на одном перекрестке. Всячески добивался эффективности перемещения и размышлял, не наполняет ли это чувство пустоту его жизни.

Он представлял, как налетает на Дона Тревино, словно разъяренный бык, и дает волю рвущемуся из легких реву. Воображал его лицо, когда тот узнает, что бегущий по улице и орущий сумасшедший – бывший сотрудник, а сам он – его цель. Иногда Тревино успевал повернуться и бежать. Патрик гнался за ним, а если не настигал, Тревино попадал под машину. Порой Тревино в нерешительности замирал, он прыгал на него, хватал, и они горизонтально уплывали за кромку экрана.

Патрик прочитал статью о профессиональном аппарате для изготовления пасты и представил, как засовывает в него руку Тревино.

На выходе тонкие ленточки.

Рассказал о своих бреднях доктору Розенстоку, и тот заметил, что подобные мысли вполне естественны. Ум Патрика нуждается в таких фантазиях. Но Патрик не признался, что реально преследует Дона Тревино, потому что само сло-

во «преследование» представлялось ему лишним. Он также не был готов поделиться тем, что написал о событиях 1982 года. А врач ободрял его, говорил, что очень им доволен, Патрик делает большие успехи и должен гордиться собой. Однако когда он хвалил его, Патрику казалось, будто с ним обращаются как с маленьким ребенком.

Патрику понравилось возиться с продуктами подешевле: говяжьей голенью, свиной лопаткой, бараньей шейей; он научился лишать костей целого цыпленка, получал удовольствие, разрубая птицу за птицей, крушил суставы, выдирали из них кости, отделял хрящи. А потом мыл и точил нож, проводил по лезвию пальцем, проверяя его смертельную остроту, и почти слышал в ушах высокий звон.

Патрик продолжал писать для блога о съестных приключениях, в котором теперь размещал рекламу используемых продуктов. Заработал в марте 147 долларов 40 центов, в апреле 202 доллара 68 центов и подумывал пустить эти деньги на покупку более совершенной камеры.

Когда очередное собеседование прошло неудачно, он подсчитал, что число провалов возросло до девяти. И опасаясь, что цифра десять может иметь некое определяющее значение, достал из принтера резюме, скомкал и точным броском отправил в корзину для мусора.

Патрик прекратил тратить на дорогую парикмахерскую Такахашаи в Нохо, куда ходил раз в четыре недели, купив машинку и, стоя голым в ванной, с пылесосом под рукой,

стриг себя сам. Слушая гудение машинки думал, насколько это неприглядное зрелище, если бы его кто-нибудь видел.

Домашняя стрижка была одним из элементов уравнивания стоимости его существования. Теперь Патрик готовил по вечерам постоянно, а не два-три раза в неделю, и они с женой сэкономили на ресторанном питании более тысячи долларов. Блог давал лишь карманные деньги, но и двести долларов – это кое-что в уравнении. Им не приходилось расплачиваться по кредитам – благодаря наследству Ханны финансовые проблемы их мало волновали. Если бы Патрик мог ничего не тратить на себя, не надо было бы так срочно искать работу.

От мысли, что нужно заниматься ее поисками, у него портилось настроение – этот процесс стал для Патрика унижительным. Словно на него на голого смотрели в ванной, рядом пылесос, бледное тело усыпано состриженными темными волосами.

С каждым днем картина «Загона красного лося» в его голове приобретала все больше деталей. Внутренность ресторана определилась давно, и фантазия летела дальше в округу. Он представлял за загоном луг, граничивший с яблоневым садом. Соседи – профессора, живущие в перестроенном школьном здании и каждый четверг заказывающие один и тот же столик для ужина.

В реальном мире их квартиры Патрик начал выполнять и другие домашние функции, кроме кулинарных; это означа-

ло, что они могли обойтись без домработницы. Патрик боялся откровенного объяснения, но получилось еще хуже: Марта расплакалась, сказала, что у них такой красивый дом и она благодарна, что ей разрешили у них работать. Ханна заметила, что, рассчитав Марту, они совершили ошибку – скоро Патрик получит работу, и им придется очень постараться найти такого же исполнительного человека.

Но, обходясь без Марты, они сэкономят почти пять тысяч долларов в год. И Патрик мыл, скреб, полировал. Чистил одежду и аккуратно складывал. Однажды в прачечном помещении их дома женщина решила помочь ему продлить время работы сушильного аппарата. Но Патрик знал, как добавить пять минут. Он мужчина, а не идиот. Такие навыки не генетический признак.

Патрик улыбнулся и поблагодарил.

Вернувшись в квартиру, он обнаружил, что его фотография щавелевого супа с креветками гриль принята презентационным сайтом, а на его сайте в этот день засветились семь сотен человек. Один из посетителей, Трибека М., написал такой добрый и сентиментальный комментарий, что Патрик спросил у Ханны, не она ли придумала этот персонаж, чтобы поднимать ему настроение.

Жена ответила, что не занимается подобным, однако смутилась, будто опасаясь, что невольно что-то упустила.

Однажды ночью, до того, как погода стала достаточно теплой, чтобы заниматься любовью на улице, они уединились на

террасе на крыше, где их чуть не застучали соседи, выведя друзей полюбоваться видом. Патрик с Ханной прятались за длинным деревянным кашпо и слышали, как соседи шептались про жильцов в их доме, которые им не нравились. Их с Ханной в списке не оказалось, но некоторые имена Патрика удивили, и он за них обиделся.

В другой раз, посмотрев на Бродвее «Чайку», они ужинали в мексиканском ресторане, и Ханна, запустив руку под стол, коснулась его чресл. Они занимались любовью в мужском туалете яростно, но почти бесшумно, и только потом вернулись к тарелкам с лечон и карне асада.

Они больше не говорили о его попытках найти работу. Патрик не сообщил Ханне, что блог стал приносить доход. Похоже, она махнула на него рукой и молча молилась о лучшем. Но пока оно не наступило, не хотела ничего видеть и не могла принять его боли. Наверное, они слишком любили друг друга, чтобы обсуждать происходящее с ним, говорить о том, что солнце в мире Патрика закатывается.

Он прикинул, что ночные крики Ханны случались примерно раз в неделю. В конце января Патрик создал в нутбукe страничку, где их фиксировал, и подсчитал, что истинная цифра на протяжении трех месяцев с февраля по май составляла 1,23 в неделю. Хотя обошлось без острых инцидентов – с ножами и разрезанной обивкой.

Патрик расширил документ, внес второй раздел, где отражал свои прогулки за Доном Тревино – слово «преследова-

ние» он отмел как слишком грубое. И наконец, третий, учитывающий их любовные утехы с Ханной.

Однажды утром в конце мая Патрик большими кухонными ножницами, которые купил год назад, чтобы удалять из куриц хребты, отрезал от своих рабочих рубашек воротники. На следующий день выбросил в мусоропровод галстуки, кроме одного, который надевал на свадьбу.

Трибека М. все чаще появлялся на страницах «Загона красного лося». Его – или ее – комментарии были лестными, и Патрик, краснея от смущения, задавал себе вопрос, уж не потешаются ли над ним. Если так, думал он, пусть это лучше будет женщина, и его румянец становился еще заметнее.

Может, «Таймс» когда-нибудь включит его в список лучших блогеров. Патрик регулярно «бродил» по Сети, выясняя, нет ли о нем новых упоминаний. Вскоре это занятие вошло у него в привычку, и он возвращался к нему сначала раз в две недели, а потом каждый день. Но наверное, численность его аудитории достигла переломного пункта. Патрик искал всплеска, изучая материалы аналитиков: таблицы ежедневных посещений и диаграммы с красными секторами новых посетителей. Поймал себя на том, что постоянно смотрит на телефон и в ноутбук, с нетерпением ожидая сообщений и данных статистики, надеясь на некие изменения, на то, что новое расположение пикселей на экране изменит его жизнь.

Что тут поделать?

Наступил июнь. Небо чаще оставалось голубым. А число провалов Патрика на собеседованиях застыло на девяти.

ПЭТЧ

Я оставался без сознания, пока среда не сменилась четвергом, поэтому не знал, как все обернулось, но надеялся, что по части полиции все ограничится примерно следующим:

В больницу с пулкой от пневматического ружья в глазу поступила тринадцатилетняя Ханна Дженсен. Ей провели срочную операцию, после которой она теперь восстанавливается. Двенадцатилетний Патрик Макконел пострадал от потери крови и травмы головы.

Шестидесятилетняя свидетельница Эллис Велчер заявила, что незнакомый ей упомянутый мальчик приехал к ней на велосипеде с незнакомой ей девочкой на багажнике. Что произошло, могут объяснить только эти двое – девочка и мальчик, но они до сих пор без сознания.

Тем временем мой отец Джо Макконел, главный помощник прокурора округа Ольстер, подающий надежды демократ и будущий член законодательного собрания штата Нью-Йорк (выборы должны были состояться менее чем через два месяца), не колеблясь, выложил все полиции. Да, у сына есть

воздушка «Ред райдер». Нет, дома ружье не нашли. Вслед за этим из футбольного лагеря выдернули моего брата Шона, и он показал, что Мэтью Уивер – мой друг, и мы часто ездим на велосипедах в Свангамы, спрятав воздушку в чехол для удочек.

Тогда я стал по крайней мере не единственным подозреваемым.

За Мэтью, как я понимаю, поехали, однако дома не застали. Он укатил на велосипеде в парк Маннаха, велик спрятал в зарослях папоротника и, подражая участникам движения за выживание, решил, что продержится у Джекобскильских водопадов на диете из дикой голубики. И если бы не встреча через четыре дня с большим черным медведем, после которой Мэтью бросился наутек прямо в объятия к охраннику парка, наверное, по сей день жил бы на манер Маугли Маннахи.

Примерно через час после того, как я очнулся в больнице и мама сообщила, что у меня проломлена голова, но заверила, что я поправлюсь, в палату вошел отец с двумя детективами.

Я тронул разбитую опозоренную голову и заявил, что ничего не помню, но это не была осознанная тактика. Однако выяснилось, что моя временная амнезия пришлась кстати: вскоре я узнал, что к Ханне сознание вернулось на несколько часов раньше, чем ко мне, и полицейские инспекторы уже успели с ней поговорить. Качая головами, они достали блок-

ноты и рассказали о том, как тринадцатилетняя девочка потеряла левый глаз. Вот как это случилось.

Вчера утром около одиннадцати часов Мэтью Уивер, Ханна Дженсен и я поехали на велосипедах со стоянки у мотеля О'Салливана в Свангамы.

Мэтью привел нас на место в лесу, где мы с ним часто тусовались.

Там он меня отослал.

Я ушел.

Мэтью привязал Ханну к дереву.

Несколько минут он стрелял в нее из моего пневматического ружья.

Ханна потеряла сознание от боли, когда одна из пуль попала ей в левый глаз.

Неясно, сколько времени она находилась без сознания, но через несколько минут после того, как очнулась, там появился я.

Я плохо держался на ногах, ослаб от потери крови из раны на затылке.

Тем не менее помог Ханне освободиться и добраться до людей.

Где сам потерял сознание.

Разве?

Очень даже эффектно.

Иногда ничего не приходится делать, все само складывается «на ура».

Затем детективы спросили, откуда у меня большая дыра в голове. Я потянул время, будто давая рассеяться туману в мозгу, и ответил, что после того, как Мэтью прогнал меня, я гулял, чтобы убить время, и наткнулся на змею. Испугавшись, что это гремучник, побежал, но впопыхах споткнулся и упал. Нет, понятия не имею, где теперь Мэтью. Да, я готов показать место, где происходил расстрел, и сообщить, что мы там делали. Буду рад помочь всем, чем смогу.

Отец ласково взял меня за плечо.

– Молодец, Пэтч, – произнес он. – Просто отлично.

Сегодня, вспоминая об этом, я не сомневаюсь, что тогда отец в последний раз в моей жизни был мною горд.

Ханна находилась в одном со мной коридоре, однако я не пытался повидаться с ней в больнице.

Жизнь нашей семьи в Росборне вскоре внезапно завершилась, и я встретился с Ханной Дженсен лишь через два десятилетия, случайно столкнувшись в вестибюле Центрального вокзала. Поэтому так и не спросил, почему она не сказала полиции, что я находился рядом и ничего не сделал для ее спасения – впрочем, в том возрасте я никогда бы не задал ей подобного вопроса. Меня преследовал страх, что однажды полиция все выяснит, и я попаду в тюрьму, где сокамерники изнасилуют меня и будут мучить за мою трусость в этом гнусном преступлении. Если бы я задумался, почему Ханна промолчала о моем присутствии, наверное, решил бы, что

это нечто вроде «баш на баш»: я ничего не предпринял, когда Мэтью выстрелил ей в глаз, но все же вернулся, разрезал веревки, вывел из того места и помог добраться до людей.

Но оказалось, что Ханна Дженсен не открылась полиции по иной причине. Я узнал об этом много лет спустя, через несколько недель после того, как встретил ее на Центральном вокзале, – откровение снизошло, когда я случайно подслушал, о чем она говорила по телефону. Теперь это откровение стало самым жутким секретом – вроде злобного существа, таившегося в тени на периферии нашего брака и ожидавшего удобного момента, чтобы выскочить и напасть.

Что касается наших отношений, мы открыто сформулировали единственное правило, и это было сделано по просьбе Ханны: мы не вспоминаем о том дне. Никогда. И уж если Ханна не хочет говорить о нем, то я и подавно.

Потому-то я не упомянул о нем вам, доктор Розенсток. Хранить так долго тайну – само по себе преступление. Я бы не вынес, если бы кто-нибудь узнал ужасный секрет.

Тем более Ханна.

Во вторник, через день после моего возвращения из больницы, мне исполнилось тринадцать, а два дня спустя арестовали Мэтью, и он сразу во всем признался. Я узнал об этом, потому что мой отец был главным обвинителем округа Ольстер и имел доступ к информации по делу Уивера, несмотря на конфликт интересов, так как его сын был связан с этим

преступлением – по его определению, только косвенно.

Летние дни рождения никогда не проходят бурно: половина моих одноклассников разъехались по лагерям или с родителями. Если повезет, придут полдюжины друзей – можно сходить в «Макдоналдс», потом на дневной сеанс в кинотеатр. На мой двенадцатый день рождения мы смотрели «В поисках утраченного ковчега». Но теперь, когда я формально превратился в тинейджера, наблюдалось поразительное отсутствие чего-либо праздничного: ни школьных товарищей, ни заказов «Хэппи мил», ни охотившихся на ковчег фашистов, ни сжигающего божьего пламени.

Я проснулся и не нашел подарков в упаковке, которую с нетерпением разворачивал бы. Вместо этого мать протянула мне карту с определенной суммой. Прежде родители не давали мне денег. Позднее я узнал от брата, что они купили для моей игровой приставки «Атари» «Астероиды», но это была стрелялка, в ней следовало уничтожать круглые летающие объекты, и отец решил, что в тех обстоятельствах дарить ее неуместно, и игру вернули в магазин.

Сам я хотел «Пакмэна» и через несколько дней купил. Мать настояла, что отвезет меня в магазин, хотя я уверял, что прекрасно доеду на велосипеде сам. Но когда заметил, какие на нас бросали взгляды жители городка, морщась при этом, словно в воздухе дурно пахло, понял почему. В Рособорне что-то загнило, люди стали угрюмыми.

У всех один и тот же взгляд? Дурной запах в воздухе? Ви-

новат был я сам.

Нью-Йорк, 2008

Задворки Нижнего Ист-Энда, семнадцать минут после сообщения Маккласки, редкий случай работы на Манхэттене (хлеб Ханны Бруклин, ее масло Бронкс), убийство случилось на два этажа выше китайского автосервиса, кирпичный многоквартирный дом с красными пожарными выходами, тело еще внутри, наверное, ничего интересного, а может, наркотики, больше нигде никаких событий и к тому же она хотела поддерживать связь с отделом по раскрытию убийств Южного Манхэттена. Со школьного двора на углу квартала несутся ребячьи крики – по звуку колокола вот-вот начнется старый, как мир, день, и в пятидесяти метрах тоже все как обычно: улица в подарочной упаковке ограждающей место преступления черно-желтой ленты, у двери двое полицейских, собирается толпа, и соседи, сочиняя свою версию событий, принимаются судачить. Выходит Маккласки, снимает перчатку, хлопает по спине одного из полицейских, пожимает руку другому, обводит взглядом округу, застегивает куртку, тяжело вздыхает, вытирает нос, замечает Ханну и машет ей рукой. Приглаживает седой хохолок и, нагнувшись, неожиданно ловко для такого грузного, как десятитонный тягач, мужчины, ныряет под ленту – ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЗОНА ПРОХОДА НЕТ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЗОНА ПРОХОДА НЕТ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЗОНА ПРОХОДА НЕТ.

– Привет, Ха, как дела?

– Детектив Колон не с тобой?

– Меня тебе мало? Отвалил за необходимым для расследования.

– То есть поесть и попить?

– Фу, Ханна, у вас, журналистов, на уме одни штампы. Ляпнуть мне такое после того, на что я тут насмотрелся!

– Прости, детектив.

– Хорошо хоть, что тот, кто устроил здесь кровавую баню, воспользовался ванной.

– Ты хочешь сказать, что труп в ванне?

– На девять десятых. Только пусть тебя просвещает Колон. Я ему сейчас позвоню. – Маккласки достал из куртки телефон, некоторое время смотрел на экран, словно забыв, как включается аппарат, и повернулся к Ханне. – Кто-то говорил, ты хочешь написать книгу?

– Есть такая мысль. О каком-нибудь незаурядном преступлении. Засело в голове.

– И конкретные наметки имеются?

– Всего пара мыслей. Ничего определенного.

– Возьми убийство Энди Белла.

– Было бы здорово. Только что мне делать с концом?

– С концом я тебе помогу. Судачили, будто он был медиумом. Полная чушь. Не могли понять, каким образом подонок получал информацию. Из магических сотрясений воздуха? Нет, Ханна, он такой же медиум, как мои большие ир-

ландские яйца.

Он посмотрел на Ханну так, словно после мягкой подачи в софтболе она не только не отбила мяч, но даже не успела замахнуться.

– Ханна, очнись! У тебя что-нибудь не в порядке?

– Все в порядке... Звони.

Детектив положил телефон в карман.

– Ладно, Ха, сам тебя просвещу.

– Просто Патрик... ну, ты знаешь, это мой муж. Никак не может найти работу.

– Во всем виновата эта гнусная экономика, Ханна. Возьми моего соседа – молодой предприниматель, занимался чем-то в банковском деле, четыре или пять месяцев назад его турнули с работы. Лишился всего: «Лексуса», полного гардероба костюмов, и вот он уже не бреется каждый день. А Патрик? Я видел его лишь однажды. Он нам приготовил очень вкусную грудинку, я такую раньше никогда не пробовал. Серьезный человек.

– Да, Пэтч серьезный.

– На тебе он, надеюсь, не отыгрывается? Потому что, если так...

– Ничего подобного.

– Трудности с деньгами? Только скажи, Ха.

– Поможешь с коповской зарплаты?

– Жизнь у меня сейчас нормальная. Парни съехали, а Линди замутила бизнес – массажные дела. Тай чи.

– Тай чи?

– Нечто вроде этого. Пошло чертовски хорошо. История, как у Золушки. Только это не Золушка, а Аладдин.

– То есть?

– Выглаживает денежки из богатеньких.

Ханна улыбнулась:

– Остроумно. Ну а этот, что наверху, давно лежит?

– Врать не стану, воняет уже несколько дней.

– Спасибо. Что до денег, у меня все в порядке. Но все равно я признательна.

– Следовательно, ты говорила о всякой чувственной ерунде? Кстати, о том телефонном звонке, – произнес Маккласки, но к мобильнику не притронулся.

– Чувственной ерунде? Никогда бы себе не позволила, де-тектив.

– Уверяла мужа, что любишь его... и все такое. Но ты должна быть убеждена, что он отвечает тебе тем же. Что бы ни случилось, в любых обстоятельствах. Я? Поклялся бы без колебания.

Маккласки кивнул и, покосившись на улицу, поднял палец:

– А вот и он!

Ханна обернулась и увидела Колона с бумажным пакетом в руке.

– Вовремя, – заметил полицейский.

– А в пакете из «Данкин Донатс», конечно, все, что тре-

буется для расследования?

Маккласки усмехнулся:

– Журналист – он и есть журналист. Знаешь, Ха, там варят отличный кофе.

Любая еда в «Загоне красного лося» будет начинаться с бесплатной закуски – попкорна в бумажных коричневых пакетах. Иногда – попкорн в соленой карамели, на следующий вечер – в масле и крапинках хрустящей куриной кожи. Гостей могут встретить только что поджаренными орешками, приправленными ароматизированной травами солью. Розмарином, шнитт-луком, душистым базиликом. Маленькие, посыпанные солью крендельки из духовки, чеддер, черные луковые семена.

Патрик все это записал и сохранил, но выкладывать в Интернет пока не стал. И тут, увидев, что поступило новое сообщение, поспешно открыл его и с волнением уставился на расположение пикселей на экране:

Трибека М Чт 6/5 9:58

Касательно: форма обратной связи с «Загоном красного лося».

Уважаемый Патрик!

Примите мои поздравления по поводу вашего потрясающего сайта. Проводить с вами время вот уже несколько

недель – мое любимое занятие. У вас нет преданнее поклонника, чем я.

Но не в моих правилах отнимать у людей время – тем более у вас. Поэтому к делу.

У меня для вас небольшое деловое предложение. Полагаю, оно вас заинтересует. Ценю возможность изложить его лично, если вы не возражаете против встречи. Даже если ничего не получится, она станет для меня приятным событием.

В то же время понимаю, что такое письмо из ниоткуда может показаться подозрительным – а если я охотник на кулинарные блоги? Не хочу никак вас тревожить, поэтому вот вам мое предложение. Позвольте пригласить вас на обед в весьма дорогой и популярный ресторан. В обмен на ваше драгоценное время вы хотя бы насладитесь хорошим вином и едой.

Простите, если ошибаюсь, но последние из ваших рецептов навели меня на мысль, что вы хорошо знакомы с кулинарным опытом Жан-Жака Ругери (мне понравилась идея распрыскать расплавленный шоколад из краскопульта). У меня есть возможность заказать столик в «Крэнуа». Жан-Жак мой близкий друг.

Как вы на это смотрите? Например, в час дня? Я могу завтра или в субботу. Или в любой день на следующей неделе.

*С уважением,
Трибека М.*

У Патрика возникло чувство, будто в его груди что-то рас-

цвело и воздух проникся ароматной свежестью. Когда он перечитывал сообщение, у него на глаза наворачивались слезы.

Может, Трибека М. работает в издательстве и предложит опубликовать кулинарную книгу «Загона красного лоса»? Патрик представил дегустацию рецептов, фотосъемки, подписание экземпляров... Дневные передачи на телевидении...

Вот что, Пэддибой, давай-ка, не заносись!

Кулинарным блогерам часто предлагают опубликовать книгу. Патрик читал интервью с ними в журналах, видел их в утренних телепередачах. Из блога одной женщины даже получился целый фильм.

А если дело окажется пшиком? И за словами Трибеки М. ничего не стоит?

«В обмен на ваше драгоценное время вы хотя бы насладитесь хорошим вином и едой».

Патрик вытер глаза и, зайдя на сайт ресторана «Крэнуа», обнаружил, что заказать там столик на обед можно не раньше чем за семь недель. Заказ на ужин предусматривает участие в лотерее в Сети. В апреле один из журналов назвал «Крэнуа» лучшим рестораном в мире, и с тех пор, если кто-нибудь публиковал статью, и в ней хоть слово было о еде, то не забывал упомянуть о Жан-Жаке Ругери. Исключений было совсем немного.

Вот чего требовалось ждать, думал Патрик, – момента, после которого все изменится.

Ханна вышла из метро на Двадцать третьей улице. День сдавал позиции свету фар и задних фонарей. Несколько золотых минут – и рабочий день Ханны куда-то исчезнет, до дома оставался один длинный, один короткий квартал, и вот она в холле, где стоит ваза со свежими цветами, и с ней здороваются Хорхе.

– Надеюсь, леди, у вас был приятный день, доброго вам вечера!

– Спасибо, Хорхе, доброй ночи! – Ханна входит в лифт, за ней сосед, тридцать секунд покоя, несколько золотистых вздохов, не особенно успешный день, никаких выдающихся моментов.

В ванне в Нижнем Ист-Сайде найден заколотый мужчина. По сведениям полиции, убийство произошло в связи с наркотиками.

Жертва, чье имя умалчивается до извещения родных, обнаружена в 8:43 в квартире дома 47 по Ладло-стрит.

Полицейские ответили на анонимный звонок с требованием возвращения наркотических средств, включая весы.

Вот и все – десять часов труда сведены к сорока двум словам для криминальной колонки «Нью-Йорк мейл» где-то на шестнадцатой странице или чуть ближе к началу, потому что тема «Обама против Хиллари» почти иссякла, но когда име-

ла успех, то шла на ура, и материалы Ханны после кровавой бани на Вашингтон-сквер неделями теряли сенсационность. А ведь это именно она сообщила, что случайный прохожий убит пулей из пистолета полицейского, и только потому, что она, Ханна Дженсен, умеет общаться с сотрудниками из отдела по раскрытию убийств Южного Манхэттена.

Открыв дверь, Ханна чмокнула мужа в губы, села и сбросила туфли. Пэтч выглядел оптимистичнее, чем обычно, ушел на цыпочках в кухню, как случалось последнее время после поцелуя и заверений друг друга, что у каждого все в порядке. У нее еще немного золотых минут, в которых она в последнее время все сильнее нуждалась, но не потому, что их жизнь с Патриком стала мрачной, а просто он грустен и подавлен, а она ничем не может помочь ему, и после трудно-го рабочего дня, ее суровых дел, ей хочется...

Маккласки без колебаний поклялся бы в верности. Она верна, Пэтч не сомневается в этом. Ханна бросила туфли в шкаф и пошла в кухню.

– Ты, кажется, в хорошем настроении? Что-нибудь произошло?

Патрик стоял к жене спиной и помешивал ризотто.

– Ничего. Пришло электронное письмо. Но оно может ничего не значить.

– Расскажи.

– Расскажу, если что-либо получится.

Хорошо, подумала Ханна, значит, все под контролем, и

поведала, как провела утро в Нижнем Ист-Сайде, о группе в ванне, о рассказанных Маккласки деталях, которые не вошли в публикацию, потому что произошло всего-навсего очередное, связанное с наркотиками убийство, банальное нью-йоркское преступление, ничего особенного.

ПЭТЧ

Преступник признался, жертва меня практически выголаживала, так что с юридической точки зрения я был чист. Но, к великому сожалению отца, дело так просто не закончилось: я должен был оправдать свое несправедливое поведение в самом главном суде города – Верховном суде общественного мнения.

Пока я долечивал дома разбитую голову и вокруг меня хлопотала мать, Шон продолжал отдыхать в футбольном лагере, а отец работать в прокурорской службе Ольстера, в Росборне – в супермаркетах, на бензоколонках, в каждой лавке, в закусочных и барах – стали вытаскивать на свет и мусолить каждую деталь свангамской стрельбы.

Возвращаясь вечером домой, отец кипел – до него доходили очередные обрывки слухов, и хотя он направлял свой гнев на то, что находилось за входной дверью и громогласно клял сующих нос не в свое дело тупоголовых горожан, я чувствовал, что частично он обращает его на меня. Неудивительно: приближались выборы, а верховный суд обществен-

ного мнения в таких делах может на все повлиять.

Вскоре по глазам отца я начал замечать, что мой рейтинг одобрения падает. Самое меньшее, в чем я был виноват, – это в глупости. Мэтью Уивер всегда считался источником неприятностей. Как я мог с ним связаться и поставить себя в столь абсурдное положение?

Становилось ясно, что самоназначенные присяжные Росборна найдут в чем меня обвинить: по их представлениям, я совершил тягчайшее преступление. Отцу приходилось бороться не только с юридическими выдумками плохо информированных горожан – мнения превращались в слухи, слухи в ложь – и его кипение прорывалось открытым пламенем.

Город наполнился всякой чушью. Утверждалось, что полиция наткнулась на трупы зверски замученных и лишенных конечностей животных. (Если что там и было, то лягушки в банках и несколько найденных нами костей и отростков рогов.) Мог ли какой-нибудь человек поверить, что его сын помогал привязывать к дереву Ханну – самая грязная клевета, какая только есть. Вы что, смеетесь? Если половину пулек выпустил из воздушки Патрик, почему эти придурки не удивляются, что он не арестован полицией? Почему не спросят девочку, не прислушаются к тому, что она говорит?

И вот однажды утром Джо Макконел, главный помощник прокурора, подающий надежду демократ и бывший бесспорный кандидат на победу на выборах в законодательное собрание штата Нью-Йорк, обнаружил, что на капот его голу-

бой «Импалы» вылили не менее галлона желтой полуглянцевой краски.

Электорат сказал свое слово – их голоса капали с нашего автомобиля. Нам осталось одно – уехать из города.

По крайней мере тогда я так считал: ситуация безнадежная – нас гонят краской из Росборна, и этот протест горожан направлен явно против меня и моей мягкотелости.

Но когда мне стукнуло тридцать лет, брат устроил для меня и немногих друзей застолье в баре, и к концу вечера, когда мы с ним вспоминали события из детства, сообщил, что за нашим отъездом из Росборна крылось нечто большее, чем я предполагал.

Откуда Шон об этом узнал? Оказалось, в 1992 году от отца вот так же в баре, куда они вдвоем забрели выпить виски после акции по сбору средств на предвыборную кампанию Билла Клинтона.

Шон сказал, что давно подозревал, в чем дело, с самого момента, когда все вскрылось через несколько лет после нашего отъезда из Росборна. Я же ни о чем не догадывался.

В 1982 году у отца оставались старинные друзья, в том числе адвокат, у которого была небольшая практика в Портленде, штат Мэн. После нескольких все более задушевных телефонных разговоров, какие отец планировал так же тщательно, как предвыборную кампанию, они согласились объединить усилия.

Это означало, что отец не только снимает свою кандидату-

ру с выборов в законодательное собрание штата Нью-Йорк, но также переходит из обвинения в защиту.

Что, как я полагаю, подразумевало этическую переориентацию.

Значит, по крайней мере не моя бесхребетность вынудила наше семейство уехать из Росборна и погнала из штата Нью-Йорк через Нью-Гемпшир к изрезанному, как лист папоротника, побережью Мэна.

Причина, что до той среды августа 1982 года вопрос избрания отца в законодательное собрание штата считался решенным, наверняка кроется не только в том, что он годами готовил для этого фундамент. Важнее, что его любили и уважали.

Джо Макконел был человеком интеллектуальным, но доступным, с крепким рукопожатием и твердым взглядом. В высшей степени самоуверенный, он в то же время отличался основательной практичностью.

Отец хотел посвятить сыновей в хитрости профессии, потому что мечтал о политической карьере не только для себя. У отпрыска булочника с Лонг-Айленда и немецкой иммигрантки были далеко идущие планы.

Макконелы должны стать новыми Кеннеди.

А он, патриарх Джо, – краеугольным камнем в пирамиде их власти. За ним два сына – Шон и Патрик, далее по сияющей дорожке повлекут внуков. Воспроизводи и обучай –

программа на века.

Первый костюмчик я получил в пять лет. Он был куплен не на свадьбу и не на похороны, а на семидесятилетие миссис Эффилинды Скотт, никакой не родственницы, а партийной деятельницы и «создательницы местных королей». Видели бы вы нас с Шоном в одинаковом голубом габардине. Чертовски мило! Вместе с костюмом я получил от отца и несколько ценных уроков. Мои похожие на коктейльные сосиски пальцы научились завязывать галстук, заправлять рубашку и разбирать на пробор волосы. Отец показал, как закатывать рукава, прокомментировав: нам надо выглядеть трудягами, а не банкирами или плейбоями. Снимаем пиджак, закатываем рукава и работаем.

От него я узнал, как ораторствовать, спорить, общаться с друзьями и недругами.

По выходным мы расфуфыривались и, блистая нарядами, позволяли дамам старше Эффилинды трогать нас жадными руками. Я потерял счет бесконечным часам, когда мы во время акций по сбору денег, слетов и обедов из семейного котла играли с детьми, с которыми нам вовсе не хотелось играть.

Всякий раз, стоя вместе на платформе или гуляя по городу, мы держали заученный строй: мама справа от отца, брат от него слева, а за ним – я. Однажды я пожаловался, что нахожусь далеко в стороне, и мне объяснили, что мы держим порядок по росту – в виде треугольника с отцом во главе. И если я буду есть овощи и перерасту брата, то займу его место.

Наверное, я был единственным учеником росборнской начальной школы, которому нравился вкус брокколи.

Исполнение плана представлялось прямолинейным – испытанное временем вхождение во власть. Мы с Шоном учимся в престижных колледжах, затем в юридическом институте. Потом можно пойти работать в министерство юстиции, в подкомитет Конгресса, служащим к видному судье или стать помощником окружного прокурора.

Я узнал, какова моя дорога в жизни задолго до того, как мне стало известно, чем занимается помощник окружного прокурора. В юном возрасте мне казалось, будто работа отца заключается в том, чтобы хранить мир от плохих людей, и я считал его супергероем. Если отец что-то хотел для меня, я хотел того же, и очень сильно.

Но план дал трещину: в 250 километрах к северо-востоку от того места, где отец добился всего упорным трудом и силой своей улыбки. Приходилось начинать сначала. Только схема теперь требовала существенной корректировки.

Одним из моих ярких детских воспоминаний стал момент, когда я обнаружил, что исключен из плана «Кеннеди». Я сидел на полу гостиной и играл в «Пакмэна». Подняв голову, увидел, что мой брат впервые за несколько месяцев надел костюм. Затем заметил принарядившегося отца – оба направлялись к входной двери. Объяснений не требовалось: меня навсегда вычеркнули из избирательного бюллетеня – возникли сомнения, что я соответствую цели. Но надо отдать

отцу должное: выходя из дома, он послал мне полный утешения взгляд – как на малыша со слуховым аппаратом или семилетнего ребенка, которому осталось жить пару недель.

Мать разрешила мне лечь спать позднее обычного и посмотреть «Династию». Мы вместе сидели в кресле с откидной спинкой, и она объясняла, почему ссорятся герои фильма. Больше всего (по причинам, которые станут ясны) запомнилась сцена, где две красивые женщины – одна блондинка, другая брюнетка (Алексис Колби и Кристалл Каррингтон) сцепились в пруду с лилиями. Я во все глаза смотрел на экран, где мстительные красотки бросались друг на друга в мелкой прудовой воде, их дорогие, с большими вырезами платья облегали изгибы тел, они поднимали брызги, верещали, нелепо махая руками. В тот момент, прижавшись к левому материнскому бедру, я впервые в жизни испытал половое возбуждение. И так ужаснулся, будто кот уронил мне на колени безголовую птицу.

Я прекрасно понимал, что происходит – слышал, как ребята моего возраста рассказывали о подобной сейсмической активности. У Джонни Спина первая эрекция случилась два года назад. По его словам, все произошло неожиданно, на глазах у бабушки, увидевшей выскочившее из клапана его пижамы. Поэтому испытанное мною потрясение было не страхом перед неизвестным, а унижительной мыслью, что мать заметит мое позорное состояние. Я боялся пошевелиться, старался не дышать и отчаянно хотел выбраться из крес-

ла и убежать в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.